http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Михаилъ Андреевичъ Балудянскій.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Академическая и государственная дѣятельность М. А. Балугьянскаго (Балудянскаго) въ Россіи.

Глава I.

Причины малоизвѣстности М. А. Балугьянскаго. — Вопросъ о начертаніи его фамиліи.

Есть два вопроса, безъ выясненія которыхъ я не могу приступить къ изложенію и оцѣнкѣ плодотворной дѣятельности М. А. Балугьянскаго, этого замѣчательнаго человѣка, котораго Карпатская Русь подарила Россіи. Первый вопросъ неизмѣримо важнѣе, чѣмъ второй, но и второй не можетъ быть обойденъ для нашей темы.

Почему мы такъ мало знаемъ о М. А. Балугьянскомъ? Вѣдь это человѣкъ, такъ сказать, квалифицированнаго значенія: онъ былъ не только государствовѣдомъ-теоретикомъ, но и государственнымъ человѣкомъ, оставившимъ глубокія борозды на маловспаханномъ, въ то время, когда онъ дѣйствовалъ, культурномъ полѣ русской земли. Тѣмъ болѣе, что обыкновенно жизнь выдающихся государственныхъ людей имѣетъ болѣе шансовъ на общенародную извѣстность, чѣмъ жизнь скромныхъ тружениковъ науки. Успѣшные результаты государственной дѣятельности такого человѣка подобны яркимъ цвѣтамъ. Они ласкаютъ взоръ всякаго, у кого они на виду. Но въ томъ то и дѣло, что бываютъ моменты въ исторіи государства, когда эти цвѣты находятся какъ-бы въ оранжереѣ, куда доступъ дозволенъ не всякому. И еще одна черта: при извѣстной организаціи государственной жизни, они создаютъ славу часто вовсе не тому, кто насаждалъ ихъ незамѣтные корни. Съ другой стороны, если сравнить дѣятельность ученаго и политика, сочетавшихся въ лицѣ Балугьянскаго, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ новаторовъ науки, жизнь государственныхъ людей кажется менѣе покойной, чѣмъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

жизнь тѣхъ, у кого она проходитъ между кабинетомъ и аудиторіей. Государственный дѣятель не высказываетъ только свое мнѣніе по извѣстному вопросу, онъ часто долженъ самъ приводить его въ дѣйствіе, что́ сопряжено иногда съ трагической борьбой. Почему это? Мы хотимъ спросить, беря лишь во вниманіе общіе контуры различія.

Думается, что отвѣтъ можетъ быть данъ, для нашего времени, и съ объективной, и съ субъективной точекъ зрѣнія, только одинъ.

Объективно государственная наука, а въ особенности политика, находится еще на той стадіи, на какой находилась религія въ эпоху Гуса или, по крайней мѣрѣ, Лютера.

Политическіе противники и здѣсь готовы примѣнять другъ къ другу мѣры инквизиціи и готтентотской морали. Въ современной политикѣ на первомъ мѣстѣ господствуютъ страсти, а не разумъ. Политика, по преимуществу, область чувствованій, субъективныхъ оцѣнокъ, а не примѣненія научно-техническихъ знаній, т. е. объективныхъ принциповъ въ организаціи соціальной жизни. Поэтому большинство политически борящихся людей, по отношенію другъ къ другу, выражаясь метафорически, страдаетъ политическимъ дальтонизмомъ.

Бываютъ, разумѣется, и отступленія. Но если, какъ говорятъ, исключенія подтверждаютъ общее правило, не должны ли они быть разъяснены?

Именно такого разъясненія требуетъ сопоставленіе академической и государственной дѣятельности М. А. Балугьянскаго. Изслѣдователь его жизни, съ этой стороны, прежде всего останавливается передъ кажущимся противорѣчіемъ съ тѣмъ, о чемъ мы говорили выше.

На академическомъ поприщѣ онъ получилъ болѣе извѣстности, но испыталъ тяжкія непріятности, благодаря борьбѣ, въ какую заставилъ вступить его долгъ ученаго.

Какъ государственный человѣкъ, — а мы будемъ видѣть, сколь цѣненъ онъ, какъ таковой, — онъ очень мало извѣстенъ, даже почти неизвѣстенъ, но жизнь его вошла здѣсь въ покойную обстановку. Съ другой стороны, его труды въ этой области не могли получить даже того распространенія, какое дается живымъ словамъ ученаго съ каѳедры, если они, по условіямъ техники и средствъ, не могутъ быть преданы тисненію.

Вторая половина его дѣятельности, куда онъ направилъ свою жизнь подъ вліяніемъ событій, ударившихъ по немъ въ академической средѣ, дѣлается посвященной исключительно государственной службѣ и политикѣ, проходитъ тихо, и даже, какъ мы только-что сказали, мало замѣтно или незамѣтно для потомковъ широкихъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

слоевъ интеллигенціи двухъ родныхъ ему и родныхъ между собою народностей, къ какимъ онъ принадлежалъ кровно и духовно.

И такъ, почему же миновали его подводные и надводные камни бурной политической стихіи на отвѣтственномъ государственномъ посту? И почему, занимая такой постъ, онъ остался въ тѣни, какъ для взоровъ предковъ, такъ и для потомковъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо взглянуть на субъективную сторону личности, на весь ея душевный обликъ, на внѣшнее выраженіе этого облика — характеръ Балугьянскаго, что́ мы и сдѣлаемъ позднѣе. А сейчасъ считаемъ достаточнымъ привести элегическое воспоминаніе дочери его о характерѣ отца въ этомъ отношеніи и указать на условія тогдашней работы государственнаго человѣка не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ вообще.

«Грустно, — сѣтуетъ дочь, и сѣтуетъ справедливо, — что осталось такъ мало воспоминаній о М.А., какъ о человѣкѣ и государственномъ дѣятелѣ. Одна изъ причинъ этому лежитъ въ странности или, вѣрнѣе, оригинальности его характера. Самъ онъ никогда не любилъ говорить о себѣ, не старался быть на виду и не выставлялъ себя впередъ. Онъ не приготовилъ себѣ памятника и послѣ себя не оставилъ ни мемуаровъ, ни писемъ, ни записокъ, которыя бы указывали на его желаніе быть оцѣненнымъ по заслугамъ въ средѣ государственныхъ дѣятелей. Тщеславіе было ему незнакомо. Одно изъ любимыхъ его изреченій — «vanitas vanitatum» — доказываетъ это. Этимъ изреченіемъ онъ нерѣдко останавливалъ даже порывъ искренности близкихъ ему друзей».

Балугьянскій былъ слишкомъ вдумчивый и слишкомъ образованный чловѣкъ, чтобы не разбираться въ окружающей обстановкѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда судьба поставила его въ близкія отношенія къ семьѣ царя, источника всѣхъ наградъ для окружающихъ (онъ сдѣлался преподавателемъ государственныхъ наукъ братьямъ императора). Въ этой средѣ надо было быть искательнымъ и приспособляться по своей внѣшности. А онъ, кабинетный ученый, призванный подавать совѣты въ важныхъ случаяхъ, болѣе походилъ на курицу, несущую золотыя яйца, чѣмъ на индійскаго пѣтуха съ красивымъ опереніемъ. Вотъ почему, благодушно улыбаясь, онъ говорилъ о себѣ: «Если бы я умѣлъ носить подтяжки, то давно былъ бы министромъ финансовъ»[1]).

Если на государственной службѣ онъ остался ученымъ, то это значитъ, что въ политикѣ онъ сохранилъ безпристрастіе, объективность и научные методы работы, что́, правда, не оградило его отъ возможныхъ враговъ, но, въ значительной степени, вынимало у нихъ жало злобы и преслѣдованія. Скажемъ коротко: Балугьянскій былъ

[1]) «Si je savais porter les breteuilles, j'aurais été depuis longtemps ministre des finances».

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ этомъ отношеніи человѣкомъ будущаго, когда въ политикѣ возобладаетъ разумъ надъ чувствомъ, общее благо надъ личнымъ или партійнымъ интересомъ, сознаніе долга надъ тщеславіемъ. Такимъ, весьма рѣдкимъ качествамъ государственнаго дѣятеля, въ то время — чиновника, способствовало отсутствіе у него внѣшняго честолюбія. При своихъ выдающихся дарованіяхъ, онъ и въ томъ рангѣ, какой дѣлаетъ гражданина вельможей, оставался кабинетнымъ труженикомъ.

По вопросу о неизвѣстности привходитъ еще слѣдующее обстоятельство. Это — господство канцелярской тайны при бюрократическомъ образѣ правленія и законодательства. Въ этомъ случаѣ результаты служебнаго труда нечестолюбиваго человѣка и всякаго средняго чиновника обыкновенно вмѣняются въ заслугу не тому, кому принадлежитъ самый трудъ, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ниже положеніе автора труда на іерархической лѣстницѣ. Это хорошо понимали образованные современники Балугьянскаго. Напримѣръ, декабристъ Батеньковъ, сотрудникъ Сперанскаго, дѣятельность котораго, какъ мы увидимъ ниже, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ дѣятельностью Балугьянскаго, говоритъ о своемъ патронѣ: По русскимъ политическимъ условіямъ, создатель законопроэкта у насъ безымяненъ и безправенъ. Безправность объясняется, по его изъясненію, не только возможностью держать законопроэктъ подъ спудомъ, но также и тѣмъ, что начальникъ можетъ взять его, измѣнить, и не всегда къ лучшему. Авторъ безсиленъ противъ того употребленія, какое могли сдѣлать изъ его сочиненія и дѣлали, не называя его имени. Кромѣ того, канцелярія экранируетъ труды государственнаго дѣятеля и съ другой стороны. По условіямъ эпохи, государственныя дѣла велись въ глубокой тайнѣ, за семью замками и печатями. Поэтому имя автора обыкновенно не выходило за предѣлы канцелярскихъ стѣнъ, а въ лучшемъ случаѣ — изъ круга вѣдомственныхъ сослуживцевъ.

Слова Батенькова совершенно справедливы. Вотъ иллюстрація изъ дѣятельности Балугьянскаго.

По смерти Балугьянскаго, сынъ министра финансовъ Гурьева, которому Балугьянскій составлялъ записки и проэкты, нашелъ въ бумагахъ своего родителя два тома сочиненія Балугьянскаго, посвященнаго вопросу объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и проэкту ихъ устройства. Когда объ этомъ узналъ бывшій секретарь Балугьянскаго — Петерсъ, онъ напомнилъ, что всѣхъ томовъ этого произведенія было четыре и что они въ полномъ составѣ поступили въ распоряженіе министра финансовъ Гурьева. Спрашивается — гдѣ они? А между тѣмъ, эта работа Балугьянскаго оказала большое вліяніе, какъ увидимъ ниже, на позднѣйшія государственныя мѣропріятія относительно крестьянъ.

Мы вспоминаемъ объ этомъ случаѣ еще и потому, чтобы пока-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

зать, какъ трудно историку возстанавливать факты изъ дѣятельности описываемаго лица при такихъ условіяхъ. Между тѣмъ, кажется, наступило время, когда дѣятельность Балугьянскаго ждетъ совершенія подобной работы со стороны спеціальнаго изслѣдователя.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ выступить въ такой роли, потому что мы соприкасались въ архивахъ съ подлинными работами Балугьянскаго въ то время, когда были заняты иными темами, и потому не могли отвести надлежащаго количества труда и времени, чтобы посвятить ихъ, по возможности, исчерпывающимъ изысканіямъ о немъ[1]).

Вспоминая случай съ бумагами отца, найденными сыномъ Гурьева, дочь Балугьянскаго замѣтила о министрахъ, при которыхъ служилъ ея родитель: «Эти послѣдніе выдавали за свой трудъ то, что, въ сущности, составляло трудъ отца».

Изъ вышесказаннаго можно заключить, что явленіе, естественно огорчившее дочь, является слѣдствіемъ упомянутой системы управленія. Эту систему переживала тогда вся Европа. Начальникъ ставилъ свое имя на сочиненіи подчиненнаго и отъ своего имени представлялъ его въ высшую инстанцію. И хорошо, если черновикъ-подлинникъ, по тогдашнему канцелярскому выраженію въ Россіи — «отпустъ», а въ Европѣ — «брульонъ», отправлялся въ архивъ государственнаго учрежденія; въ худшемъ же случаѣ онъ затеривался среди документовъ начальника-сановника. Использовавъ работу своего подчиненнаго, тотъ нисколько не думалъ объ ея научной либо исторической цѣнности, тѣмъ менѣе — объ авторствѣ своего подчиненнаго. Что же касается Балугьянскаго, то упомянутая черта его характера не побуждала его къ закрѣпленію въ соціальной памяти подобныхъ своихъ работъ. И потому въ высокихъ административныхъ кругахъ и, вслѣдъ за ними, и въ канцеляріяхъ Балугьянскаго шутливо называли «Брульономъ».

Второй вопросъ — о фамиліи его, получившей въ Россіи начертаніе: Балу*г*янскій, тогда, какъ на родинѣ его она имѣла иную транскрипцію и произносилась: Балу*д*янскій.

Одинъ филологъ высказалъ мнѣ, что здѣсь произошло недоразумѣніе. Мадьярское *gy* читается и, слѣдовательно, должно быть транскрибировано, какъ мягкое *д*[2]). Другой же филологъ выразился еще рѣзче по этому поводу: безграмотно и невѣжественно произносить фамилію Михаила Андреевича: Балугьянскій.

Мы рѣшаемся не согласиться съ такого рода филологическими основаніями. Въ собственныхъ именахъ, въ особенности — въ фамиліяхъ, филологія упускаетъ изъ виду другую сторону — юридическую и моральную: право произносить и писать свою фамилію,

[1]) Однако, мы внимательно изучали относившіяся къ нашимъ предметамъ архивныя сочиненія Б. и сняли съ ихъ подлинниковъ копіи.

[2]) Ср.: Ю. А. Яворскій: Значеніе и мѣсто Закарпатья въ общей схемѣ русской письменности, Прага, 1930, 15.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

какъ собственникъ-носитель ея находитъ нужнымъ, и уваженіе къ его собственному произношенію и своеручному начертанію своего индивидуальнаго, неотъемлемаго достоянія.

Какъ мы уже замѣтили, намъ выпалъ на долю счастливый случай видѣть автографы Балугьянскаго и его подписи. По пріѣздѣ въ Россію онъ подписывался: «Михайло Балугьянскій», а потомъ чаще — «Михаилъ Балугьянскій». Слѣдовательно, войдя въ оттѣнки русскаго языка, онъ смѣнилъ только начертаніе своего имени, потому, вѣроятно, что первое начертаніе носитъ въ Россіи простонародный характеръ. Подъ такой фамиліей составленъ весь его формулярный списокъ, т. е. основной документъ каждаго, состоящаго на государственной службѣ[1]). Подъ такой фамиліей протекала его почти полувѣковая дѣятельность въ Россіи. Россія не знаетъ Балу*д*янскаго, она знаетъ только Балу*гъ*янскаго. Ни въ одномъ литературномъ, спеціально-научномъ, юридическомъ, историческомъ и т. п. сочиненіи нельзя найти даже упоминанія о томъ, что онъ когда-то имѣлъ фамилію Балу*д*янскій. И если-бы она случайно была кѣмъ-нибудь, кромѣ филологовъ, знавшихъ это, начертана по мадьярски, явился бы вопросъ: кто такой носитель ея?

Какъ увидимъ ниже, Михаилъ Андреевичъ не только получилъ мадьярское образованіе классическаго типа на латинскомъ языкѣ, но былъ также профессоромъ Пештскаго университета; неужели же онъ не зналъ, что подобное начертаніе его фамиліи «безграмотно и невѣжественно»?

Послѣ его смерти были напечатаны чрезвычайно интересныя воспоминанія баронессы Медемъ, урожденной Маріи Балугьянской (родилась 26 сентября 1804 года, какъ четвертый ребенокъ изъ десяти; вышла замужъ за барона Николая Васильевича Медемъ, генерала отъ артиллеріи); она также усваиваетъ такое же начертаніе, вошедшее тоже въ потомственное владѣніе трехъ сыновей Балугьянскаго: Іосифа, Александра и Андрея.

Словомъ, если Михаилъ Андреевичъ, глава семьи, усвоилъ себѣ фамилію, которую обрусилъ подобнымъ образомъ, мы не будемъ входить въ мотивы этого акта. Мы охотно принимаемъ на себя упрекъ въ «безграмотности и невѣжественности», однако, не рѣшаемся измѣнить волю самого носителя фамиліи, которую онъ столь прославилъ. Этотъ упрекъ, если быть логичнымъ, мы раздѣляемъ и съ нимъ, и со всей Россіей, для которой эта фамилія не является безразличной.

Но, такъ какъ жизнь М. А. Балугьянскаго, какъ и его дѣятельность, раздѣляются, естественнымъ образомъ, на двѣ половины: заграничную и русскую, и такъ какъ въ первую половину ея онъ

[1]) Я имѣлъ въ рукахъ этотъ формулярный списокъ въ копіи, сохранившейся въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, по описи ихъ — № 212, въ Архивѣ Государственнаго Совѣта. Далѣе будутъ приведены выдержки изъ него.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

назывался Балудянскимъ (подъ этимъ начертаніемъ онъ и извѣстенъ въ заграничной литературѣ), то вопросъ о фамиліи, какъ намъ кажется, долженъ быть практически разрѣшенъ такъ:

Кто усваиваетъ первоначальное, мадьярское произношеніе, долженъ въ скобкахъ помѣстить и ту фамилію, какую избралъ себѣ Балудьянскій въ Россіи, — вѣдь принято же поступать такимъ образомъ даже по отношенію къ псевдонимамъ; употребляя же россійское начертаніе, въ свою очередь, слѣдуетъ ставить рядомъ и фамилію первоначальную. Эту-же двойственность начертанія мы и будемъ соблюдать въ нашей работѣ, примѣнительно къ періоду, о которомъ идетъ рѣчь.

Глава II.

Угрорусско-мадьярскій періодъ жизни М. А. Балудянскаго.

Для всякаго, желающаго научно изучить личность человѣка, оставившаго болѣе или менѣе глубокія борозды въ культурѣ народа, имѣвшаго свой «magnum opus», необходимо не только знать самую эту личность съ самаго начала ея бытія, но и среду, въ которой она жила и дѣйствовала.

Сколько мы ни старались получить болѣе подробныя свѣдѣнія о средѣ и условіяхъ жизни М. А. Балудянскаго на его родинѣ, сколько ни разспрашивали мѣстныхъ людей о ней, мы все-таки мало успѣли въ этомъ отношеніи.

Внѣ всякаго сомнѣнія, родъ Балудянскихъ принадлежалъ къ той карпаторусской интеллигенціи, предки которой священствовали или учительствовали, а, правильнѣе сказать, дѣлали одновременно и ту, и другую національно-культурную работу. Къ этому роду вполнѣ примѣнимы слова А. В. Духновича, обращенныя къ сыну: «Сынъ мой, не забывай Бога, молись ему и люби свой русскій родъ, и хоть не станешь отъ этого богатъ, но зато будешь счастливъ».

Родъ Балудянскихъ заключаетъ въ себѣ не мало именъ, отмѣченныхъ въ исторіи карпаторусскаго народа, напримѣръ: Пряшевскій крылошанинъ Иванъ Балудянскій, сподвижникъ знаменитаго А. В. Духновича, Андрей Балудянскій, засѣдатель Ужгородской консисторіи, профессоръ Ужгородской духовной семинаріи, авторъ «Церковной исторіи» и др. трудовъ, священникъ Михаилъ Балудянскій (Комшлотскій), осужденный Маковицкимъ соборомъ 1774 г., и др.

Нашъ Михаилъ Балудянскій родился 26 сентября 1769 года въ с. Ольшавѣ (Felső-Olsva), Земплинской столицы, въ семьѣ Андрея и Маріи Балудянскихъ. Мать его была изъ рода Дубинскихъ[1]).

---

[1]) У родителей Михаила Андреевича былъ еще одинъ сынъ, который потомъ былъ полковникомъ австрійской службы; послѣ него осталась въ живыхъ лишь одна дочь, вышедшая замужъ за Александра Перцеля (Percel), брата Морица Перцеля, сподвижника извѣстнаго Кошута.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Для тогдашней карпаторусской интеллигенціи дать образованіе своимъ дѣтямъ, чтобы они могли продолжать интеллектуальный трудъ предковъ, значило — помѣстить ихъ въ мадьярскія учебныя заведенія. Благодаря отсутствію русской національной школы, только такъ увеличивалась горсть русскихъ духовныхъ вождей, только такимъ способомъ они могли входить въ кадры мѣстнаго управленія и быть полезными своему народу. Народъ же, жившій въ глухомъ горно-лѣсномъ углу, чувствовалъ надъ собою властную, подъ часъ — жестокую, руку чужого народа. Здѣсь, въ «двуединой» Австро-Венгерской имперіи, замѣчалось общее явленіе: политико-національная лѣстница борьбы и насильственной ассимиляціи. То, что мадьяры проявляли по отношенію къ русскимъ земледѣльцамъ и интеллигенціи, создавая типъ мадьярона, австрійцы продѣлывали надъ самими мадьярами. Наблюдается общераспространенный фактъ: политически командующая народность стремится проводить черезъ свою культуру интеллигенцію національнаго меньшинства или, вообще, ему подчиненной племенной группы. Вѣдь защищенное нынче международнымъ правомъ самое понятіе «меньшинства» отсутствовало тогда совсѣмъ, да и теперь оно въ значительной степени зависитъ отъ фактическаго соотношенія силъ.

Если, какъ мы сказали, мадьяры примѣняли къ своимъ русскимъ гражданамъ политику въ духѣ Кошута, то австрійцы, въ бо́льшей или меньшей степени, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, проводили идею, заключавшуюся въ словахъ Леопольда I-го: «**Faciam Hungariam captivam, postea mendicam, deinde catholicam**». Но для Карпатской Руси всегда оставалось эмблемой историческое воспоминаніе о союзѣ мадьярскаго Арпада съ германцемъ Арнульфомъ противъ славянина Святополка. Отношеніе же мадьярскаго національнаго духа къ карпаторусскому народу слышится въ слѣдующихъ строкахъ венгерскаго поэта Петефи (**Petőfi**): «Меня не увлекаетъ дико-романтическая страна покрытыхъ соснами, угрюмыхъ Карпатъ; моя родина — вольная степь, разстилающаяся, какъ море... И мнѣ улыбается картина степи отъ Дуная до Тиссы». Сила національнаго чувства мадьяръ видна также изъ болѣе ранней поговорки: «**Extra Hungariam non est vita, si est vita, non est ita**». По опредѣленію Палацкаго, мадьяры — жесточайшее несчастіе славянскаго племени.

Сказаннаго достаточно для характеристики положенія современнаго Балудянскому поколѣнія мѣстной русской интеллигенціи. Надо лишь добавить, что къ остротѣ переживаній природныхъ различій присоединились культурныя.

Политическая и культурная карьера Венгріи зиждилась на ея присоединеніи къ Западной Европѣ. Казалось-бы трудно объяснимымъ, почему народъ степняковъ-кочевниковъ привилъ себѣ ростки западно-европейской цивилизаціи, оставаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко выраженнымъ этнографическимъ островомъ на западѣ евро-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

пейскаго континента. Могучей силой въ этомъ отношеніи было принятіе имъ католицизма, а вмѣстѣ и латинской культуры.

Венгрія, какъ извѣстно, долго не имѣла ни своей литературной, ни научной культуры. Интеллигенція ея, служившая въ правительственныхъ учрежденіяхъ, равно какъ и аристократія, усвоили латинскій языкъ. И только со средины XIX столѣтія мадьярская рѣчь вступила въ свои права, начиная съ отдѣла національной словесности, и перейдя затѣмъ и въ науку.

До тѣхъ поръ ученикъ, поступившій въ школу для полученія средняго образованія, встрѣчался съ бо́льшимъ или меньшимъ проявленіемъ латинской схоластики. Онъ долженъ былъ пройти учебный путь, напоминавшій отчасти старую русскую духовную семинарію: infima, grammatica, syntaxis, poësis, rethorica, phisica — вотъ названія классовъ, годовыхъ курсовъ, какъ этаповъ, черезъ которые шелъ воспитанникъ къ университету.

«Ratio educationis» Маріи Терезіи должно быть упомянуто не только въ связи съ преобразованіями въ академической области. Этимъ закономъ былъ открытъ путь и къ измѣненіямъ въ области государственной теоріи и практики. Мы увидимъ ниже, въ чемъ послѣднія заключались. Однако, старые навыки и прежнія установленія въ учебномъ дѣлѣ тогда только уступаютъ мѣсто новымъ, когда образуются соотвѣтственные проводники провозглашенныхъ реформъ.

Когда восьмилѣтнему Михаилу Балудянскому пришла пора поступленія въ среднее учебное заведеніе, большинство школъ этого типа находилось еще въ рукахъ Піаристовъ и другихъ католическихъ орденовъ. Среди духовенства были педагоги Божіею милостію, которые и оживотворяли схоластическую систему преподаванія. До сихъ поръ сохранились въ Новомъ Мѣстѣ (Satoralja Ujhely), Земплинской сто́лицы, тѣ зданія, гдѣ помѣщалась гимназія Миноритскаго ордена Паулиновъ. Самое названіе города уже показываетъ, что мадьяры были здѣсь новопоселенцами, меньшинствомъ среди русскаго населенія. Городъ съ его областью, расположенный на довольно широкой равнинѣ, у преддверья горъ, покрытыхъ виноградниками, былъ когда-то вотчиной Коріатовичей, и еще въ третьей четверти XVIII столѣтія русскій элементъ былъ въ немъ значителенъ. Такимъ образомъ, уже сознательная дѣтская пора, когда впечатлѣнія врѣзываются на всю жизнь, прошла у Михаила Андреевича на землѣ, сохранившей русскій обликъ и бытъ.

Но въ гимназіи этой, въ которую онъ поступилъ, надо полагать, съ хорошей домашней подготовкой, Балудянскій пробылъ недолго. Три года, проведенныхъ въ ней, оставили въ его памяти особенно признательныя воспоминанія о двухъ его наставникахъ. Фамиліи ихъ онъ часто называлъ впослѣдствіи въ своей семьѣ, что́ служитъ всегда доказательствомъ плодотворныхъ впечатлѣній, произведен-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ныхъ учителями на ученика. Конечно, рѣчь идетъ тутъ не о самомъ содержаніи знаній, а именно, о живомъ вліяніи личности учителя. Имена этихъ монаховъ-воспитателей: Зауеръ и Сухани.

Можно думать, что у Паулиновъ Балудянскій получилъ то, что называется основами первоначальнаго школьнаго воспитанія. Эти основы всегда имѣютъ громадное значеніе. Если ученику и воспитаннику они прививаютъ любовь къ знанію и нравственную дисциплину, первоначальная школа достигла своей цѣли.

Въ годъ смерти Маріи Терезіи (1780), правительницы, поднявшей на болѣе высокую ступень жизнь государства, у Балудянскаго произошло важное событіе, опредѣлившее его жизненное призваніе.

Въ это время и позднѣе, при Іосифѣ II-омъ, образованіе молодыхъ людей въ Венгріи происходило въ учебныхъ заведеніяхъ особаго типа. Этотъ типъ занималъ среднее мѣсто между гимназіей и университетомъ. Онъ назывался «королевскими академіями». Его отличительной чертой было то, что, наряду съ общеобразовательными науками, тамъ было отведено преобладающее мѣсто также наукамъ юридическаго характера; это и былъ, въ сущности, юридическій факультетъ. Въ одну изъ такихъ академій, находившуюся въ Кошицахъ, и поступилъ Балудянскій. Различіе было большое по сравненію съ оставленной имъ школой и еще въ одномъ отношеніи. Теологическій характеръ предшествующаго образованія смѣнился свѣтскимъ, богословское направленіе — философскимъ. А философія въ то время начала все болѣе и болѣе проникаться раціонализмомъ, который, въ области юридически-теоретическихъ, основныхъ воззрѣній, привелъ къ возстановленію доктрины естественнаго права, причемъ, по сравненію съ классической древностью, эта доктрина оплодотворялась индивидуализмомъ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ и созидалась на тѣхъ методологическихъ основаніяхъ, какія ведутъ свое начало отъ Декарта и Бэкона. Поэтому истолкованіе этой доктрины принимало частью англійскій эмпирическій характеръ (Джонъ Локкъ), частью отвлеченно метафизическій (Бенедиктъ Спиноза, Жанъ Жакъ Руссо). Среднее мѣсто занимало школьное преподаваніе доктрины германскими учителями права (Пуфендорфъ, Вольфъ). Въ юридическомъ образованіи Венгріи была еще одна замѣчательная особенность, которая являлась органическимъ слѣдствіемъ исторіи мадьяръ-азіатовъ на европейской почвѣ. На всякаго, соприкасавшагося съ развитіемъ венгерскаго права, она не могла не производить впечатлѣніе своей цѣльностью, единствомъ, напряженностью въ достиженіи своихъ цѣлей при построеніи юридическихъ публичныхъ нормъ. Эта особенность, какъ намъ думается, тѣсно связана съ упомянутымъ положеніемъ мадьяръ, какъ обособленнаго народа,

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

этнографическаго острова. Наряду съ обычными предметами юридическаго образованія въ другихъ западно-европейскихъ странахъ того вѣка, правами римскимъ и каноническимъ, здѣсь было развитое и послѣдовательное, своеобразное государственное право, упредившее строй з.-европейскихъ политическихъ сосѣдей. Обыкновенно сами мадьярскіе учителя права выдвигали тотъ замѣчательный фактъ, что Великая хартія вольностей, явившаяся на Британскомъ островѣ, имѣетъ аналогію, какъ основной конституціонный законъ, въ Золотой буллѣ Андрея II-го. Несмотря на громадное различіе между политическимъ духомъ и политическимъ направленіемъ въ осуществленіи того и другого актовъ, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай сказать ниже, дальнѣйшее праворазвитіе Венгріи имѣло тенденцію, хорошо выражаемую заглавіемъ одного изъ государственныхъ законовъ: «De rebus et negotiis Hungaricis per Hungaros tractandis». «Hungaria a Hungaricis administranda» — вотъ идея этого закона, если выразить ее созвучно на такомъ же самомъ языкѣ.

Быть можетъ, не лишне вспомнить въ этомъ отношеніи старшаго современника Балудянскаго — патріарха мадьярской юридическо-политической литературы, Гавріила Казинци (1759—1830), которому приписывалось сочиненіе: «Политическій катехизисъ» (Казинци отсидѣлъ за него 7 лѣтъ въ тюрьмѣ).

Нельзя забывать, что Балудянскій получилъ юридическое образованіе, а, главное, самъ былъ учителемъ права и правовѣдомъ именно въ переходную, двойственную эпоху. Западная Европа стояла передъ порогомъ новыхъ государственныхъ порядковъ, т. е. находилась въ положеніи, блестяще и проникновенно описанномъ Токвилемъ. Франція переступила за этотъ порогъ съ болѣзненнымъ напряженіемъ. Ея политическая литература, подготовленная всѣмъ XVIII-ымъ вѣкомъ, нашла законодательное выраженіе въ конституантѣ. Какъ могла Венгрія, въ лицѣ своей интеллигенціи, остаться чуждой этому движенію? Но въ томъ то и дѣло, что Венгрія, больше какой бы ни было другой западно-европейской страны, имѣла тенденцію къ самоорганизаціи. Однако, какъ могла осуществиться эта тенденція, подготовленная упомянутымъ праворазвитіемъ мадьярскаго народа, въ тискахъ австрійской монархіи? И сама Австрія представляла любопытное и поучительное поле изученія и наблюденія. Балудянскому пришлось работать въ эпоху, когда Леопольдъ II (1790—1792) и Францъ II (1792—1834) въ своемъ управленіи должны были продолжать путь, указанный реформами «déspotes eclairés», какъ ихъ тогда называли, Маріи Терезіи (1740—1780) и Іосифа II (1780—1790), тотъ путь, который мадьяры — современники Балудянскаго — безъ особаго удовольствія называли «іозефинизмомъ». Мы не станемъ задерживаться на такихъ явленіяхъ, какъ смѣна латинизаціи Венгріи германизаціей. Мы укажемъ лишь, что въ силу

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

закона противоположности, мадьярскіе правовѣды, чувствуя германизацію, искали точку опоры въ сравненіи «Араны буллы» съ «Магна харта». Между тѣмъ, отъ объективнаго наблюдателя не можетъ ускользнуть громадное различіе какъ между этими актами, такъ и между ихъ юридическими и политическими послѣдствіями.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое англійская хартія? Силой вырванная баронами у Іоанна Безземельнаго, она защищала права, вольности и обычаи — rights and liberties — всей Британіи, всѣхъ сословій, всѣхъ городовъ, отъ Лондона до послѣдняго «гнилого мѣстечка», отъ барона до виллана. Въ этомъ ея сила и отличіе отъ континентальной тенденціи аристократіи, выступившей представительницей всесословныхъ правовыхъ интересовъ. Въ Венгріи и послѣ обнародованія Андреемъ II-ымъ Золотой буллы, магнатство, съ полнымъ основаніемъ, могло говорить о политической Венгріи: «Венгрія — это мы!» Можно сказать, что Венгрія, въ административномъ отношеніи, не дѣлилась на комитаты. Она состояла изъ комитатовъ, во главѣ съ комитатскими графами (comes, főispan), у ногъ которыхъ въ былое время сидѣлъ, при отправленіи своихъ обязанностей, судья.

По сравненію съ этимъ феодальнымъ положеніемъ вещей, даже «іозефинизмъ» привелъ Венгрію къ кореннымъ измѣненіямъ въ политикѣ, экономикѣ и, соотвѣтственно, въ построеніи теоретической и практической юриспруденціи и экономіи.

Въ политикѣ государство являло независимость свѣтскаго меча отъ духовнаго, хотя свѣтская власть съ почтеніемъ относилась къ послѣднему, въ рукахъ католицизма, какъ символу. Въ эту эпоху просвѣщеннаго абсолютизма свѣтская власть начинала чувствовать себя не только въ центрѣ управленія, но и сознавать себя единственнымъ источникомъ преобразовательнаго процесса. Смыслъ этого процесса заключался въ той самой дефеодализаціи, съ которою позднѣе, уже изъ нѣдръ самого мадьярскаго общества, выступило движеніе мадьярскихъ «декабристовъ», извѣстное въ исторіи подъ именемъ «Сечени», соотвѣтствующее идеямъ вышеназваннаго «Политическаго катехизиса» Гавріила Казинци.

Въ экономикѣ еще Марія Терезія открыла направленіе, извѣстное подъ названіемъ «меркантилизма». Оно знаменовало собою выдвиженіе на передній планъ государственной производительной дѣятельности, какъ unitas oeconomica, общегосударственной хозяйственной организаціи, а не первѣе помѣстнаго дворянства, привлеченнаго теперь къ уплатѣ «tallagium», — слѣдовательно, выдвиженіе опиралось въ цѣломъ также и на городское, и на господствующее въ Венгріи сельское сословіе.

По уничтоженіи цеховъ и гильдій, государство сосредоточило въ себѣ управленіе силами, дѣйствующими по опредѣленному пла-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ну, выражаемыми одной свѣтской законодательной волей, концентрировавшей въ себѣ прежнія автономическія отношенія политико-сословно-хозяйственныхъ ячеекъ.

Какое различіе съ разсѣяніемъ этихъ общественныхъ силъ въ предшествующую эпоху?

Тогда наблюдалось аггрегатное состояніе многихъ правящихъ комитатскихъ воль, согласовать которыя было, подчасъ, весьма затруднительно. Теперь раціональное руководство изъ центра всѣмъ регуляторнымъ планомъ государства должно было совершаться, какъ признавала теорія и практика государствовѣдѣнія, только при нормальномъ проникновеніи разума въ законы движенія государственнаго надорганизма. Правда, этотъ надорганизмъ представлялся слишкомъ натурфилософски, съ примѣненіемъ картезіанскихъ психологическихъ воззрѣній. Но важно уже то, что эпоха просвѣщенія отъ самихъ государственныхъ главъ и руководящихъ чиновъ потребовала научнаго изученія законовъ этого надорганизма.

Все это легко распознается въ истокахъ идейнаго движенія, какое положило основаніе новой наукѣ о государствѣ и его хозяйствѣ на рубежѣ двухъ столѣтій. По историческимъ условіямъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто и не время задерживаться, государство и его хозяйство перестали носить разобщенный характеръ замковый, помѣстный, и слѣдствіе этого было направлено противъ мощныхъ феодальныхъ потентатовъ, еще представлявшихъ и возглавлявшихъ сложную и плохо координированную систему, съ которой Венгріи грозило въ будущемъ разлученіе.

И все это надо непремѣнно имѣть въ виду, чтобы понять научную атмосферу, которою начинали дышать въ венгерскихъ юридическихъ королевскихъ академіяхъ и позднѣе въ Пештскомъ юридическомъ факультетѣ. Ибо все это даетъ возможность понять процессъ накопленія того юридически-теоретическаго и эмпирическаго багажа, съ которымъ карпатороссу Балудянскому суждено было пріѣхать къ своимъ восточнымъ собратьямъ, чтобы сдѣлаться хотя и непоказнымъ, но дѣйственнымъ лицомъ въ перестройкѣ государственнаго аппарата великаго народа, во главѣ котораго, мы увидимъ ниже, стояли выдающіеся преобразователи, люди, оцѣнившіе и признавшіе Балудянскаго.

Послѣ Кошицкой академіи, съ болѣе, чѣмъ основательной подготовкой, съ отмѣченными дарованіями, съ выяснившимся призваніемъ, Балудянскій завершилъ свое юридическое образованіе въ научномъ центрѣ Австрійской имперіи, именно, на юридическомъ факультетѣ Вѣнскаго университета.

Достаточно назвать года пребыванія Балудянскаго въ аудиторіяхъ Вѣнскаго университета, 1787—1789, чтобы представить себѣ эпоху, наполненную сильными побужденіями къ новымъ изслѣдо-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ваніямъ въ области общественныхъ наукъ. По всей Европѣ распространились новыя идеи о народномъ хозяйствѣ Адама Смита, какія было суждено Балудянскому перенести въ организацію финансовъ русскаго государства[1]), хотя, надо замѣтить, въ Московскомъ университетѣ съ большимъ талантомъ и самостоятельностью уже излагалъ ихъ съ кафедры даровитый русскій профессоръ Десницкій (авторъ «Отечественнаго законоискусства» 1778 года). Отмѣтимъ также ученія въ теоріи права, которыми проникся Балудянскій, чтобы затѣмъ не только передать ихъ въ Россіи, но и пострадать за нихъ. Исходнымъ пунктомъ ихъ была Голландія — материнская страна теоріи естественнаго — въ новое время — права. Оттуда они были разнесены по всей Западной Европѣ въ истолкованіяхъ разныхъ оттѣнковъ. Для Балудянскаго, естественно, на первомъ мѣстѣ было то, какое придали доктринѣ естественнаго права нѣмецкіе профессора Самуилъ Пуфендорфъ, Лейбницъ, Христіанъ Вольфъ и Томазій. Вѣнскій юридическій факультетъ, естественно, находился подъ вліяніемъ германскихъ учителей права. Доктрина естественнаго права, возрожденная Гроціемъ, особенно въ истолкованіи Томаса Гоббса, наиболѣ отвѣчала «іозефинизму». Въ наукѣ права она была столь же охранительнымъ элементомъ, поддерживавшимъ габсбургскій автократизмъ, сколь оппозиціоннымъ феодализму, въ частности — венгерскому магнатству. Гоббизмъ, передавая власть абсолютному монарху, поддерживалъ ту форму правленія, какая, на основаніи законовъ соціальной физики, могла бы, по его мнѣнію, наилучшимъ образомъ отвѣчать благу государства. А народъ разсматривался тогда не только, какъ принадлежность государства, но и какъ объектъ отеческаго попеченія власти, просвѣщенной наукой. Въ государствовѣдѣніи образовалось направленіе, оппозиціонное всему строю управленія средневѣковья, имѣвшее выдающихся представителей въ разныхъ университетахъ (Деламаръ во Франціи, Юсти — въ Германіи и т. п.). Въ Вѣнскомъ университетѣ это былъ Зонненфельсъ. Изъ воспоминаній дочери Балудянскаго мы знаемъ, что, когда онъ, уже на закатѣ дней, посѣтилъ Вѣнскій университетъ (нарочно свернувъ изъ Теплицъ въ Вѣну), то съ благодарностью показывалъ дочери портретъ этого ученаго и говорилъ о вліяніи, какое было оказано на него этимъ австрійскимъ административистомъ.

Экономическое, культурно-просвѣтительное движеніе, охватившее въ то время Австрію, естественно, отразилось и въ Венгріи. Здѣсь открывались новыя школы. Таковой была, напримѣръ, Велико-Варадинская королевская академія, учрежденная въ 1789 г. На замѣщеніе въ ней преподавательскихъ должностей былъ объявленъ конкурсъ, разрѣшившійся весьма благопріятно для двадцатилѣтняго Балудянскаго, конечно, благодаря его выдающимся спо-

[1]) Мы коснемся ихъ ниже, когда будемъ говорить о финансовыхъ работахъ Б. въ Россіи.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

собностямъ и высокой оцѣнкѣ его наставниками. Онъ былъ избранъ и утвержденъ императорскимъ (Іосифа II) патентомъ на кафедру политическихъ наукъ и куріальнаго стиля[1]). Удачно выполнивъ всѣ обязанности на право полученія преподаванія, что́ именуется габилитаціей pro venia legendi, въ началѣ зимняго семестра того же года, 30 августа 1789 г., Балудянскій прочиталъ свою вступительную лекцію, которая была посвящена основамъ теоріи и техники государственнаго права, какъ понималъ ихъ юноша-лекторъ.

Онъ исходилъ въ ней изъ идеи естественнаго права въ духѣ голландскаго ученаго Гуго Гроція (см. «Пролегомена» къ его сочиненію «О правѣ войны и мира»). Человѣческое общество имѣетъ своимъ основнымъ элементомъ разумную и общественную природу человѣка (natura socialis ac rationalis), политическая же форма общества зависитъ отъ реальныхъ условій, въ которыхъ это общество находится. И потому раціонализмъ въ государственномъ правѣ имѣетъ свои предѣлы, переступать которые безнаказанно нельзя. Вотъ почему радикальныя метафизическія слѣдствія, выводимыя изъ доктрины естественнаго права, Балудянскій осуждалъ. Въ этомъ сказался тотъ будущій государственный дѣятель, который въ своихъ законопроэктахъ прежде всего останавливался на условіяхъ ихъ осуществимости въ жизни.

У выдающихся людей зародыши ихъ будущаго «magnum opus» сказываются довольно рано. Это общее наблюденіе. Можно привести много примѣровъ, что зодчіе человѣческой культуры въ разныхъ ея областяхъ развиваютъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности обыкновенно заклады размышленій и изслѣдованій молодыхъ лѣтъ.

Попавъ въ глухую провинцію, молодой, двадцатилѣтній учитель не былъ однимъ изъ тѣхъ преподавателей «казеннаго образца», которые застываютъ на исполненіи оффиціальныхъ обязанностей своей должности. Балудянскій не только добросовѣстно исполнялъ послѣднія, но и продолжалъ свою изслѣдовательскую научно-творческую работу, открывшую для него такъ рано путь къ занятію самостоятельной кафедры.

Молодой ученый его калибра и его настроенія не можетъ обходиться безъ освѣжающаго общества «нѣмыхъ друзей» — книгъ. Съ послѣдними у Балудянскаго было умственное содружество еще и въ томъ отношеніи, что онъ принялъ на себя завѣдываніе академической библіотекой. Обыкновенно въ академіяхъ работу молодыхъ ученыхъ можно прослѣдить по тѣмъ книгамъ, которыя они выписываютъ въ связи съ ней. По отношенію къ Балудянскому этотъ критерій долженъ быть примѣненъ въ необыкновенно расширенномъ видѣ. Онъ не только слѣдилъ за текущей ученой литературой, но и долженъ былъ поглощать неимовѣрное ея количество, что́ позволяли его громадная память, его необычайная работоспособ-

[1]) Послѣдній терминъ обозначалъ собою то, что на русскій языкъ можно перевести: составленіе дѣлопроизводственныхъ бумагъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ность и влеченіе къ истинѣ. Здѣсь надо отмѣтить еще одну особенность созиданія научнаго характера молодого ученаго. Это — тотъ, можно сказать, всеобъемлющій энциклопедизмъ государствовѣда, который впослѣдствіи, въ Россіи, далъ ему имя «кладезя науки».

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться многообразію областей государственной науки, публичнаго и частнаго права, въ которыхъ ему пришлось выступать, какъ преподавателю. Въ обозрѣніи преподаванія Велико-Варадинской академіи можно видѣть имя Балудянскаго въ соединеніи съ науками финансовъ, администраціи и даже торговаго права.

И этого мало. Его научныя работы сдѣлали его имя извѣстнымъ по всей Венгріи, и немногочисленныя тогда научныя общества избирали его въ свои члены (напр., Трансильванское общество филологовъ въ 1789 г.).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ темы той основной работы, надъ которой трудился Балудянскій въ Великомъ Варадинѣ, но извѣстно, что она принесла ему въ 1796 г. титулъ доктора правъ.

Вышесказанное не дѣлаетъ удивительнымъ, что вскорѣ послѣдовало приглашеніе Балудянскаго профессоромъ въ венгерскій столичный университетъ, который Марія Терезія незадолго передъ тѣмъ перевела въ Пештъ изъ Надь Сомбата. Здѣсь, главнымъ образомъ, привлекали къ себѣ молодежь два факультета: философскій и юридическій. На первомъ былъ двухгодичный курсъ. Тамъ изучали: философію, исторію, математику и естественныя науки. На юридическомъ факультетѣ въ теченіе трехъ лѣтъ преподавались: каноническое, римское, венгерское обычное и государственное публичное право, кафедра котораго была первоначально предложена двадцатисемилѣтнему ученому — Балудянскому.

Можно думать, что пребываніе Балудянскаго въ Пештскомъ университетѣ и углубленіе въ источники венгерскаго права, равно какъ и наблюденія надъ политическимъ укладомъ этой оригинальной страны, не прошли безслѣдно. Какъ ни былъ Балудянскій преданъ германскимъ учителямъ права, здѣсь онъ нашелъ противовѣсъ нѣмецкому доктринаризму и юриспруденціи понятій («Begriffsiurisprudenz»). Изъ него никогда не вышелъ метафизикъ-«гелертеръ». Полный силъ, спокойный, наблюдательный умъ его слѣдилъ за главнѣйшими фактами политической жизни Западной Европы, какъ-будто-бы онъ чувствовалъ, что эмпирическое ознакомленіе съ государственной жизнью Запада окажется впослѣдствіи неоцѣнимымъ для его будущей миссіи на Востокѣ. Къ тому же, Западъ обнаруживалъ въ эту эпоху такой повышенный подъемъ, такое нервное біеніе политическаго пульса, какіе бываютъ только столѣтіями. Этому пристальному наблюденію способствовало знаніе Балудянскимъ пяти языковъ: англійскаго, французскаго, итальян-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

скаго, нѣмецкаго и мадьярскаго, не говоря уже о классическихъ, въ особенности — латыни, которою онъ владѣлъ, какъ своею родною рѣчью. Привычка слѣдить за періодической прессой осталась у него до конца жизни, какъ и подобало человѣку, жизненной задачей котораго, независимо отъ него самого, было установленіе связи между Западомъ и Востокомъ Европы.

Научная работа въ Пештѣ образовала въ немъ еще одну важную методическую черту, дѣлавшую его какъ-бы предшественникомъ исторической школы юристовъ. Какъ здѣсь, такъ впослѣдствіи и въ Россіи, онъ не приступалъ къ разработкѣ ни одной проблемы государственнаго и хозяйственнаго права, не изслѣдуя историческихъ предпосылокъ въ интересующей его области. Пожалуй, къ этому его побудила еще больше обстановка академической и государственной работы въ такой странѣ, какъ Россія, къ которой нельзя было подойти безъ историческаго метода. Попавъ въ нее, Балудянскій перешелъ ту грань, за которой кончалось вліяніе на государственный строй Запада общаго для него факта: рецепціи римскаго права. Съ указаннымъ научно-методологическимъ настроеніемъ находилось въ соотвѣтствіи и то, что въ Пештскомъ университетѣ ему пришлось занимать каѳедру исторіи и вести преподаваніе статистики, помимо своей спеціальной отрасли — государственнаго права и источниковъ венгерскаго права.

Обыкновенно подобная энциклопедичность связывается съ нѣкоторой поверхностностью. Но въ этомъ отношеніи никто и никогда не могъ сдѣлать упрека Балудянскому, потому что съ его цѣпкостью къ знаніямъ, съ его настойчивостью приблизиться, quand même, къ истинѣ, съ его добросовѣстностью и трудоспособностью дилетантизмъ былъ органически несовмѣстимъ.

Чтобы закончить обозрѣніе этого перваго періода жизни Балудянскаго, упомянемъ еще о двухъ обстоятельствахъ.

Одно связано съ общей оцѣнкой его академическаго авторитета и съ первымъ его академически-административнымъ опытомъ. Юридическій факультетъ Пештскаго университета избралъ его деканомъ, причемъ молодой деканъ тогда и не подозрѣвалъ, конечно, что это — преддверіе къ позднѣйшему ректорству его въ Санктпетербургѣ.

Все это, давая ему прочное положеніе, объясняетъ, почему такой государственный человѣкъ, какъ Меттернихъ, выражалъ сожалѣніе, что Балудянскій уѣхалъ въ Россію. Быть можетъ, въ Западной Европѣ Балудянскій оставилъ бы по себѣ въ наукѣ большій слѣдъ, чѣмъ его учитель Зонненфельсъ, потому что онъ находился бы здѣсь въ лучшихъ техническихъ условіяхъ для своей теоретической работы, отъ которой въ Россіи судьба отклонила его къ роли дѣятельнѣйшаго помощника и консультанта при людяхъ, державшихъ кормило правленія въ теченіе двухъ царствованій. И отклонила именно потому, что на посту ректора онъ принесъ себя въ жертву защитѣ науки и своихъ ученыхъ собратій.

Второе обстоятельство находится въ связи съ первымъ и является составной частью нити, которая привела Балудянскаго въ

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Россію. Мы сейчасъ остановимся на условіяхъ этого переѣзда. Имя Балудянскаго составляло предметъ гордости и соотчичей его — карпаторосcовъ. Получая высшее образованіе въ тѣхъ же университетахъ, членомъ которыхъ былъ Балудянскій, они поддерживали между собою земляческія связи, а нѣкоторые изъ нихъ и связи съ Россіей. Къ числу послѣднихъ относился въ особенности студентъ Вѣнскаго университета Иванъ Семеновичъ Орлай, переселившійся въ Россію и уже оттуда пріѣхавшій въ Вѣну совершенствовать свои знанія въ университетѣ.

Глава III.

Переѣздъ М. А. Балудянскаго въ Россію.

Здѣсь возникаютъ три вопроса. У кого впервые явилась идея выписывать изъ заграницы для русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній не нѣмцевъ, какъ это было раньше, а славянъ? Затѣмъ, кто былъ иниціаторомъ и содѣйствовалъ приглашенію сюда именно Балудянскаго? Наконецъ, что́ побудило его отправиться въ эту малоизвѣстную ему и далекую страну?

Въ началѣ XIX столѣтія Россія переживала эпоху, какія, если ихъ можно сравнить, только дважды выпадали ей на долю въ періодъ имперіи. Первая — время реформъ Петра Великаго, вторая — позднѣйшая — реформы Александра II-го.

Реформы Александра I-го, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, занимаютъ среднее, связующее ихъ, мѣсто. Какъ и при Петрѣ Первомъ, онѣ потребовали соотвѣтственно подготовленныхъ людей, а для подготовки и пріисканія такихъ людей приходилось искать соотвѣтственныхъ мѣръ и путей.

Путей такихъ могло быть два: или, какъ прежде, пользоваться иноземцами, или-же на мѣстѣ готовить образованныхъ русскихъ. Но при скорости и неожиданности реформъ Александра I-го (чему причиной была смерть Павла I-го), стало замѣтно, что время для второго пути было упущено.

Въ свое время пренебрегли совѣтомъ Ломоносова — основоположника Московскаго университета, начертавшаго программу и для юридическаго факультета будущаго университета въ Петербургѣ[1]). А совѣтъ этотъ мудрый, хотя и былъ, естественно, выраженъ съ оттѣнкомъ горечи и грусти: «Будто-бы сорокъ алтынъ столь великая и казнѣ тяжелая сумма, которую жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго Россіянина, а лучше выписывать». Какъ Россія, при участіи Балудянскаго, вернулась позже къ мысли Ломоносова, увидимъ ниже, пока же пришлось обратиться къ прежнему способу, но съ однимъ существеннымъ измѣненіемъ. По-

[1]) 1. Права общія. 2. Права Россіи. 3. Исторія и политика. Мы приводимъ эту программу, чтобы сравнить ее, послѣ основанія СПБ-аго унив. въ 1819 г., съ программой Балудянскаго 1828 года, при посылкѣ молодыхъ юристовъ заграницу, а затѣмъ для довершенія ихъ образованія при учрежденіи, гдѣ начальникомъ былъ самъ Балудянскій.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

путно рѣшено было реформировать одно учебное заведеніе, основанное при Екатеринѣ II-ой, а именно, такъ называемую «учительскую гимназію».

1804-ый годъ есть годъ не только преобразованія этой гимназіи въ педагогическій институтъ, но и годъ основанія новыхъ университетовъ въ Харьковѣ и Казани. Можно представить себѣ, сколько новыхъ ученыхъ силъ понадобилось для этихъ академическихъ учрежденій.

Вотъ тутъ-то правительство и обратилось къ помощи Западной Европы, однако, прежняя традиція на этотъ разъ прервалась, такъ какъ обратилось оно не къ Германіи, съ которой были династическія и политическія связи[1]), а къ славянамъ. Почему такой поворотъ?

Обстоятельства измѣнились. Во главѣ реформаціоннаго движенія, начиная самимъ Александромъ I-ымъ — воспитанникомъ Ля-Гарпа, стояли новые люди, получившіе образованіе и политическое воспитаніе подъ вліяніемъ идей, происходившихъ изъ странъ, гдѣ государственная наука и практика, въ сравненіи съ Австріей и Германіей, сдѣлали шагъ впередъ. Нѣмцы въ государствовѣдѣніи не были оригинальны. Хорошіе комментаторы и систематизаторы, нѣмецкіе правовѣды не находили благопріятныхъ условій въ отечественной государственной дѣйствительности, которую старшій современникъ Балудянскаго, Иммануилъ Кантъ, назвалъ «regimen paternale».

Интимные и ближайшіе сотрудники Александра I-го, извѣстные подъ именемъ «тріумвирата», къ членамъ котораго принадлежалъ также и тогдашній попечитель Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцевъ, тяготѣли къ англо-французскимъ теоріямъ и политическимъ порядкамъ.

Министерство народнаго просвѣщенія было поручено человѣку чисто русской складки, какъ и большинство тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, выученниковъ церковной школы. А церковь въ Россіи была глубоко національна и органически связана съ народнымъ бытомъ. Это былъ екатерининецъ, графъ П. В. Завадовскій. Со времени учрежденія въ 1802 г. министерствъ, замѣнившихъ прежнюю коллегіальную систему, предпочитавшуюся, какъ увидимъ ниже, и Балудянскимъ, Александръ I-ый назначилъ министромъ народнаго просвѣщенія Завадовскаго, помощникомъ же его М. Н. Муравьева, бывшаго учителя словесности императора, человѣка не вельможнаго, безъ вліянія. Несравненно больше значенія имѣли попечитель уч. округа Н. Н. Новосильцевъ и, жившій въ Петербургѣ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа графъ Северинъ Потоцкій.

Новосильцевъ состоялъ докладчикомъ государя и жилъ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ петербургскомъ обществѣ его величали «Атласомъ» и «Неизбѣжнымъ», въ томъ смыслѣ, что самыя многочислен-

[1]) Хотя, какъ увидимъ ниже, при избраніи Балудянскаго въ ректоры СПБ. университета и позднѣе замѣчалась борьба съ нѣмцами.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ныя и разнообразныя дѣла неукоснительно проходили черезъ его руки. И потому его называли также: «le genie à toutes sauces», «l'homme universel», а главное: «l'instrument pour les formes russes»[1]).

Графъ Северинъ Потоцкій былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ императора, сторонникомъ проводимыхъ реформъ, а по своему оффиціальному положенію — членомъ правительствующаго сената.

Въ одномъ изъ писемъ Завадовскій привлекаетъ вниманіе Потоцкаго къ вопросу о приглашеніи ученыхъ изъ заграницы и, въ частности, рекомендуетъ для этой цѣли славянскія области, въ которыхъ сохранился русскій языкъ. Графъ Завадовскій хорошо понималъ, какимъ препятствіемъ для развитія образованія въ Россіи были профессора чуждой національности, учившіе, съ кафедры, на незнакомомъ языкѣ. Напримѣръ, профессоръ всеобщей исторіи Раупахъ, какъ увидимъ ниже, конкурентъ Балудянскаго на постъ ректора университета, читалъ лекціи такъ: передъ нимъ, на кафедрѣ, лежали листки, исписанные по нѣмецки, т. е. на языкѣ, на какомъ онъ думалъ; глядя на нихъ, онъ вслухъ переводилъ свою лекцію на латинскій языкъ, на которомъ и велось преподаваніе.

Почему Завадовскій обратился къ Потоцкому, а не къ Муравьеву или Новосильцеву, т. е. къ непосредственнымъ начальникамъ петербургскихъ учебныхъ заведеній? Повидимому, потому, что Потоцкій, по своимъ связямъ, ближе стоялъ къ славянамъ Западной Европы, и Завадовскій хорошо зналъ, что, напр., въ Львовскомъ университетѣ, въ то время, на русскомъ языкѣ читались: богословскія науки, теоретическая и практическая физика и др. предметы. Именно на этотъ университетъ, гдѣ, пользуясь выраженіемъ Ю. И. Венелина, временно былъ снятъ «карантинъ», Завадовскій обратилъ вниманіе харьковскаго попечителя, который не преминулъ примѣнить идею Завадовскаго и къ Слободской Украйнѣ. Изъ славянскихъ областей, одновременно съ Балудянскимъ, былъ приглашенъ въ Петербургскій педагогическій институтъ его землякъ, вольфіанецъ, Петръ Дмитріевичъ Лодій (1764—1829), родомъ угроруссъ[2]). Но вотъ, второй вопросъ — кто непосредственный виновникъ этого приглашенія?

Кромѣ Потоцкаго, освѣдомленнаго о подходящихъ славянскихъ ученыхъ, былъ въ Петербургѣ еще одинъ угроруссъ, къ тому

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ: А. Н. Фатѣевъ: Борьба за министерства (эпоха тріумвирата), Прага, 1929.

[2]) Упоминаемъ о Лодіи не только потому, что онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ одновременно съ Балудянскимъ, но и потому, что, занявъ въ педагогическомъ институтѣ кафедру теоріи общихъ правъ, онъ явился также сотрудникомъ послѣдняго и въ университетѣ. Въ духѣ Вольфа онъ напечаталъ въ 1828 г. сочиненіе по теоріи права («Ѳеорія общихъ правъ»). Черезъ Лодія же Сперанскій пригласилъ преподавателемъ въ Александро-Невскую главную семинарію Фесслера, автора книги о соединеніи восточной и западной церквей. Литературу о П. Д. Лодіи см. въ статьяхъ Ю. А. Яворскаго: П. Д. Лодій въ изображеніи польскаго романиста, Ужг. 1930, стр. 5; Значеніе и мѣсто Закарпатья, стр. 14—15.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

времени достигшій значительнаго оффиціальнаго и неоффиціальнаго вліянія. Мы говоримъ объ Иванѣ Семеновичѣ Орлаѣ[1]), которому принадлежитъ мысль приглашенія, въ числѣ заграничныхъ кандидатовъ на пустующія кафедры, и Балудянскаго.

Въ жизни И. С. Орлая все характерно. Онъ пріѣхалъ въ Россію тогда, когда Балудянскій былъ уже профессоромъ Велико-Варадинской академіи, т. е. въ 1791 году. На родинѣ Орлаю удалось получить только общее образованіе. Въ Россіи онъ принялъ православіе и поступилъ въ богословское учебное заведеніе, игравшее тогда въ духовномъ вѣдомствѣ роль, подобную педагогическому институту, а именно, въ главную всероссійскую семинарію, которая носила свое названіе по мѣсту своего нахожденія въ Александро-Невской лаврѣ. Здѣсь Орлай познакомился со своимъ сверстникомъ, будущимъ реформаторомъ и политическимъ наслѣдникомъ «тріумвирата», М. М. Сперанскимъ, съ дѣятельностью котораго тѣсно связано имя Балугьянскаго. Но, какъ Сперанскій, такъ и Орлай выбралъ не духовную, а свѣтскую карьеру. Изъ Александро-Невской семинаріи онъ перешелъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію, а затѣмъ въ Вѣнскій университетъ на медицинскій факультетъ (1794—1796). Вернувшись въ Россію, онъ прошелъ цѣлый рядъ лекарскихъ должностей: полкового врача Семеновскаго полка, врача почтоваго вѣдомства и главнаго госпиталя. Однако, при этомъ онъ не оставлялъ и научно-учебной работы, въ качествѣ помощника ученаго секретаря медицинской коллегіи, а равно преподавателя и секретаря медико-хирургической академіи. Получивъ мѣсто придворнаго хирурга, онъ сталъ помощникомъ лейбъ-медика, барона Я. В. Вилье, президента медико-хирургической академіи, вмѣстѣ съ которымъ онъ составилъ полевую фармакопею. Однако, занятія медициной не угасили въ немъ интереса и любви къ наукамъ гуманитарнымъ, основа которыхъ была заложена въ немъ еще въ Александро-Невской семинаріи. Между прочимъ, онъ составилъ краткую исторію Карпатской Руси и, такимъ образомъ, явился первымъ научнымъ освѣдомителемъ Россіи объ этомъ родственномъ ей племени. Орлай былъ членомъ различныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи и Германіи, почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и дѣйствительнымъ членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ. За границу онъ ѣздилъ въ 1806 году для полученія въ Кенигсбергскомъ университетѣ степени доктора словесныхъ наукъ.

Ко времени приглашенія Балудянскаго, Орлай, какъ высокообразованный человѣкъ, не прерывавшій связей съ родиной, лучше всѣхъ могъ дать свѣдѣнія о лицахъ, удовлетворявшихъ условію графа Завадовскаго, для занятія кафедръ въ педагогическомъ институтѣ. Онъ указалъ на трехъ такихъ лицъ, въ число которыхъ, кромѣ П. Д. Лодія и В. Г. Кукольника, входилъ и М. А. Балудянскій.

---

[1]) Литературу о немъ см. у Ю. А. Яворскаго: Значеніе и мѣсто Закарпатья, стр. 15.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Василій Григорьевичъ Кукольникъ (1765—1821), отецъ Нестора Васильевича, извѣстнаго русскаго писателя, былъ натуралистомъ по образованію. Преподавалъ сельско-хозяйственную технологію, но въ педагогическомъ институтѣ занялъ кафедру римскаго права. Этому нельзя удивляться, такъ какъ подобныя явленія случались въ то время часто. Кукольникъ читалъ также исторію русскаго права въ училищѣ правовѣдѣнія. Среди бумагъ Сперанскаго мы нашли обширное рукописное сочиненіе его по этому предмету. Въ историческихъ обозрѣніяхъ, предшествующихъ нѣкоторымъ законопроектамъ, Сперанскій пользовался этимъ сочиненіемъ. Своими научными воззрѣніями Кукольникъ ближе къ Балудянскому, чѣмъ къ Лодію. Его жизнь кончилась печально. Онъ получилъ назначеніе — сначала преподавателемъ весьма многихъ предметовъ, а потомъ и директоромъ Нѣжинской гимназіи Безбородко, занимавшей мѣсто непосредственно послѣ университетовъ. Въ этой гимназіи произошла точно такая же исторія съ преподаваніемъ доктрины естественнаго права, какая, какъ увидимъ ниже, заставила Балудянскаго оставить постъ ректора Петербургскаго университета. Въ исторіи былъ замѣшанъ и 18-лѣтній Несторъ, сынъ директора. В. Г. Кукольникъ застрѣлился. На посту директора Нѣжинской гимназіи В. Г. Кукольника, съ 3 сентября 1821 года, смѣнилъ И. С. Орлай, закончившій свою карьеру цензоромъ и директоромъ лицея Ришелье въ Одессѣ[1]).

В. Г. Кукольникъ напечаталъ слѣдующія работы: «Начальное основаніе римскаго права», 1810 г.; «Начальныя основанія гражданскаго права», 1813 г.; «Гражданское право», 1815 г. Остались также весьма интересные ненапечатанные его труды.

Быть можетъ, не лишне дополнить обзоръ культурной связи, начавшейся между Карпатской Русью и Россіей, — цѣннѣйшимъ звеномъ которой явился Балудянскій, — слѣдующими замѣчаніями.

Въ журналахъ департамента народнаго просвѣщенія сохранилось постановленіе разрѣшить совѣтамъ университетовъ приглашать ученыхъ изъ Карпатской Руси, предоставивъ имъ выборъ всѣхъ свободныхъ кафедръ, числомъ около двадцати, въ Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ, съ правомъ на различныя служебныя преимущества. Не имѣя свѣдѣній о Казанскомъ университетѣ, мы знаемъ[2]), что черезъ годъ послѣ основанія Харьковскаго университета, начальникомъ котораго былъ Северинъ Потоцкій, совѣтъ профессоровъ, съ его разрѣшенія, командировалъ профессора законовѣдѣнія Ф. И. Филипповича въ Карпатскую Русь. Ему было дано порученіе пригласить оттуда ученыхъ на девять вакантныхъ кафедръ, но удалось найти лишь четырехъ: А. И. Дудровича, читавшаго логику, психологію, этику и исторію философіи, К. П. Павловича — для замѣщенія кафедры римскаго права,

[1]) См.: А. Н. Фатѣевъ: Къ исторіи юридической образованности въ Россіи, Прага, 1923, стр. 237.

[2]) Пишущій эти строки занималъ кафедру общей теоріи права и исторіи философіи права въ Харьковскомъ университетѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

но ведшаго также курсъ греческой словесности, а также двухъ братьевъ Билевичей.

Все оффиціальное дѣлопроизводство по приглашенію Балудянскаго въ Россію ординарнымъ профессоромъ на кафедру политической экономіи въ педагогическій институтъ шло черезъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцева. Сообразно свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ И. С. Орлая, Балудянскому было предложено занять означенную кафедру съ правами и преимуществами, присвоенными этой должности, срокомъ на три года.

Незадолго до своего отъѣзда въ Россію Балудянскій женился. Жена его, Антонія-Анна-Юлія, происходила изъ рода фонъ-Гегеръ (Heher) и считала себя мадьяркой. Съ нею и съ груднымъ ребенкомъ, сыномъ Іосифомъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ 4 февраля[1]) 1804 года, хотя приказъ о принятіи его на службу былъ подписанъ еще 1 августа 1803 года. Балудянскому и его семьѣ пришлось совершить долгій путь, съ продолжительными остановками. Этотъ путь онъ продѣлалъ черезъ Львовъ.

Въ воспоминаніяхъ его дочери сказано, что, по пріѣздѣ въ Петербургъ, первымъ лицомъ, къ которому явился пріѣхавшій новый профессоръ, былъ Н. Н. Новосильцевъ.

Такимъ образомъ, Балудянскій очутился въ Россіи. Но съ какою цѣлью? Здѣсь возникаетъ новый вопросъ: что́ побудило Балудянскаго къ переѣзду въ Россію? Продолжать карьеру ученаго въ лучшихъ условіяхъ? Но мы видѣли, что она была имъ уже сдѣлана, — болѣе того, она была блестяща. На Западѣ легче было устроиться и прославиться, чѣмъ въ Россіи. Западно-европейцы, — что́ остается и до сего дня, — болѣе умѣли цѣнить заслуги своихъ ученыхъ. Но, выражаясь фигурально, та часть ума и характера, которая движетъ честолюбіемъ, у Балудянскаго, видимо, совсѣмъ отсутствовала. Искать бо́льшаго заработка? Но академическій трудъ въ Россіи оплачивался не такъ высоко[2]). И матеріальное положеніе Балудянскаго, съ его семьей, возросшей къ 1817 году до десяти человѣкъ дѣтей, далеко не было блестяще. Одно время ему просто угрожала бѣдность, но онъ все-же рѣшился оставить должность ректора университета. Зная заслуги и незамѣнимую его работу за десятерыхъ, правительство оказывало ему пособія на поѣздки за границу или для поправленія здоровья, а императоры дарили ему также неоднократно бриллъянтовые перстни, табакерки, осыпанныя бриллъянтами и пр., но всего этого лишь хватало на содержаніе большой семьи. Такимъ образомъ, не матеріальныя выгоды привлекли этого ученаго въ Россію. Въ его лицѣ является передъ нами гармоническая фигура человѣка чести, ума и долга; во все продолженіе своей академической и государственной дѣятельности Балудянскій никогда не гнался за хлѣбными мѣстами, а одно время

---

[1]) Въ запискахъ его дочери, баронессы М. М. Медемъ, означено 8 февраля.

[2]) Непроизвольно оставивъ академическую дѣятельность, Балудянскій значительно улучшилъ свое матеріальное положеніе (см. ниже).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

даже безвозмездно исполнялъ обязанности, сверхъ оффиціально на него возложенныхъ.

Есть полное основаніе думать, что для переѣзда въ Россію у него были иныя, болѣе идеальныя и благородныя побужденія. Мы знаемъ объ участіи Орлая въ приглашеніи Балудянскаго. Письма Орлая о своей новой родинѣ заинтересовали Балудянскаго. Онъ рѣшилъ поѣхать въ Россію для изученія (см. воспоминанія его дочери). Эту задачу полагалъ онъ осуществить въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, которые были предусмотрены въ контрактѣ. И если-бы, по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ, онъ вернулся въ Западную Европу, то, навѣрное, помѣнялся бы ролью съ Орлаемъ. Тотъ ознакомилъ Россію съ исторіей Карпатской Руси, этотъ сдѣлалъ бы то-же по отношенію къ невѣдомой и отдаленной, по отношенію къ его родинѣ, Россіи.

Глава IV.

Академическая дѣятельность М. А. Балугьянскаго въ Россіи.

Балугьянскій началъ свою академическую дѣятельность въ педагогическомъ институтѣ въ весенній семестръ 1804 г. Она была чрезвычайно разнообразна и плодотворна. Для отчетливости изложенія, мы остановимся пока лишь на ней, оставляя пока въ сторонѣ его государственную дѣятельность, съ которой она развивалась отчасти параллельно, отчасти переплеталась, отчасти являлась теоретическимъ основаніемъ для его проектовъ и реформъ. Но о практически-научной дѣятельности Балугьянскаго упомянемъ и здѣсь.

Молодой ученый, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего пріѣзда въ административную столицу Россіи, былъ вовлеченъ въ круговоротъ тѣхъ преобразовательныхъ стремленій, о которыхъ не переставали думать и говорить въ придворныхъ, чиновныхъ и общественныхъ кругахъ Петербурга.

Балугьянскій сразу произвелъ благопріятное впечатлѣніе на правящія сферы. Этому способствовали не только его умъ и знанія, но и его внѣшность, подкупавшая скромнымъ достоинствомъ, простотой манеръ, открытымъ, красивымъ лицомъ, статной фигурой, всѣмъ благороднымъ обликомъ безъ тѣни подобострастія, сразу внушавшимъ довѣріе и симпатію. Мы нарочно остановились на описаніи его внѣшности; въ петербургскихъ «сферахъ» того времени она имѣла не меньше значенія и цѣнилась не меньше, чѣмъ интеллектуальныя достоинства и знаніе французскаго языка, на которомъ въ то время дѣти этого круга молились Богу, а родители видѣли сны. Когда приглядѣлись къ этому, правда, небрежно одѣтому и внѣшне разсѣянному, но внутренне подобранному въ своихъ мысляхъ, человѣку, пытливо изучавшему организацію Россіи, оказалось, какъ выразился потомъ о немъ вице-канцлеръ графъ Нессельроде, что это — «un puits de science, et nou s tous allions y puisser».

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Собственно академическая дѣятельность Балугьянскаго проходила до 1821 года въ одномъ и томъ-же учрежденіи, но оно преобразовалось 4 раза: изъ «учительской гимназіи», ко времени занятія въ ней Балугьянскимъ кафедры политической экономіи, оно приняло наименованіе «педагогическаго института», а черезъ два года стало «главнымъ педагогическимъ институтомъ» (1816 г.) и, наконецъ, съ 1819 г., «С.-Петербургскимъ университетомъ».

Преподаваніе по кафедрѣ политической экономіи, на которую только и былъ приглашенъ Балугьянскій, составляло лишь часть его обширной академической дѣятельности. Прежде, чѣмъ дать ея оцѣнку, бросимъ взглядъ на ея важнѣйшія проявленія.

Балугьянскому было поручено чтеніе курсовъ по торговому и финансовому праву. Послѣ знаменитаго указа Сперанскаго объ экзаменахъ на чины, идея котораго принадлежала Завадовскому, Балугьянскій велъ преподаваніе для аспирантовъ на табельные чины.

Въ 1813 году, вмѣстѣ съ Кукольникомъ, Балугьянскій былъ приглашенъ читать братьямъ царствующаго императора, Николаю и Михаилу, правовѣдѣніе. Въ дальнѣйшемъ это имѣло большое значеніе для государственной карьеры нашего ученаго, когда онъ вынужденъ былъ оставить свою должность въ университетѣ.

Въ преподавателѣ всегда есть двѣ стороны: одна дѣйствуетъ на учениковъ манерой преподаванія и сообщаемыми свѣдѣніями, другая — всею духовною личностью учителя, какъ ученаго и человѣка. На будущаго императора Николая I-го Балугьянскій, какъ искренній человѣкъ и крупный ученый, произвелъ больше впечатлѣнія, чѣмъ какъ наставникъ юридическихъ наукъ. Вел. кн. Николай не чувствовалъ расположенія къ юриспруденціи и, будучи уже императоромъ, признавалъ себя мало свѣдущимъ въ этой области; быть можетъ, тутъ имѣло значеніе и то, что не всегда аккуратный и часто невнимательный ученикъ Балугьянскаго тогда не думалъ и не готовился управлять имперіей. Біографъ Сперанскаго, Корфъ, въ своихъ запискахъ сохранилъ отзывъ Николая I-го объ его карпаторусскихъ учителяхъ, и именно, какъ объ учителяхъ, что́ нисколько не противорѣчитъ высокому уваженію и довѣрію императора къ Балугьянскому, какъ къ государственному дѣятелю, котораго онъ сдѣлалъ своимъ совѣтникомъ въ моментъ занятія престола. Императоръ Николай сказалъ Корфу: «Я помню, какъ насъ (т. е. его и брата Михаила) мучили надъ этимъ (т. е. надъ отвлеченной юриспруденціей) два человѣка, очень добрые, можетъ статься — и очень ученые, но несноснѣйшіе педанты — Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ, на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и Богъ знаетъ еще какихъ законахъ; другой что-то о мнимомъ естественномъ правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Шторхъ[1]), съ своими усыпительными лекціями по политической экономіи, который читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что-жъ выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда собственный ихъ карикатурный портретъ, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбяжку, безъ плода и пользы для будущаго».

Кромѣ чтенія лекцій, на Балугьянскаго была возложена также обязанность члена испытательной комиссіи при педагогическомъ институтѣ, замѣнявшемъ университетъ, въ которой происходили экзамены на чины по указу Сперанскаго 1809 г.

Но ученая дѣятельность Балугьянскаго, несмотря на эти обязанности, не прерывалась. Онъ написалъ сочиненіе по политической экономіи, высоко оцѣниваемое спеціалистами: «Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ», въ 8 частяхъ. Другія сочиненія, — о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомянемъ здѣсь, — весьма многочисленныя, носили форму то небольшихъ записокъ, докладовъ, то цѣлыхъ томовъ, и были направляемы въ разныя оффиціальныя учрежденія съ консультативной цѣлью; тѣмъ не менѣе, они являются плодами творчества ученаго, а не канцелярскаго пера, какъ обыкновенно это было въ то время. Такимъ образомъ, Балугьянскій открываетъ путь приглашенія теоретиковъ-спеціалистовъ къ управленію и законодательству.

Намъ доводилось слышать отъ ученыхъ политико-экономистовъ[2]), что нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій Балугьянскаго представляютъ серьезный историко-теоретическій интересъ. Такъ, напр., подготовляя записку о реформѣ русскихъ финансовъ, онъ написалъ обширное сочиненіе, посвященное исторіи русскихъ финансовъ, начиная съ 1700-го до 1812 года[3]), т. е. до открытія государственнаго совѣта, куда и поступилъ финансовый планъ, имѣющій въ основѣ эту записку. Затѣмъ, проэктъ реорганизаціи русскихъ финансовъ, четырехтомный трудъ, трактующій объ освобожденіи крестьянъ; въ 1837 году, при образованіи министерства государственныхъ имуществъ, вернулись къ этому сочиненію, переданному графу Гурьеву, министру при Александрѣ I, а въ воспоминаніяхъ дочери Балугьянскаго имѣются по этому поводу слѣдующія строки: Клоковъ, бывшій чиновникъ 2-го отдѣленія соб. Е. В. канцеляріи, начальникомъ которой состоялъ Балугьянскій, говорилъ ей: «Послѣ многихъ преній, разборовъ и раздоровъ, мы все-таки, наконецъ, приняли въ руководство проэктъ вашего отца».

---

[1]) Авторъ сочиненія «Cours d'economie politique ou éxposé de doctrines, qui determinent la prosperité des nations», 1815 г. (приводимъ это для сравненія съ послѣдующимъ изложеніемъ политико-экономическихъ воззрѣній Балугьянскаго). Среди показаній декабристовъ, показаніе Муханова ссылается на него, какъ на источникъ его вольнолюбивыхъ идей.

[2]) Напр., отъ харьковскаго профессора политической экономіи и статистики В. Ф. Левитскаго, который такъ-же, какъ и мы, изучалъ въ архивахъ сочиненія Балугьянскаго.

[3]) Съ приложеніемъ таблицъ приходовъ и расходовъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Въ то время, какъ пріѣхалъ Балугьянскій въ Россію, петербургскіе правящіе круги дѣлились на двѣ группы. Одна стояла за прежнія петровско-екатерининскія коллегіальныя учрежденія, другая-же за единоличный способъ управленія, начало которому было положено, по проэкту «тріумвирата», учрежденіемъ министерствъ въ 1802 году и который былъ законченъ въ 1810-11 году совершенно новымъ закономъ, сочиненнымъ Сперанскимъ. За данный промежутокъ времени борьба между этими двумя направленіями не затихала. Представители обоихъ знали, что Балугьянскій является авторитетнымъ государствовѣдомъ, а потому ему было поручено высказаться по этому острому вопросу, что́ онъ и сдѣлалъ въ работѣ объ «Учрежденіи министерствъ въ Россіи». Впослѣдствіи, по порученію Николая I-го[1]), Балугьянскій вновь пересмотрѣлъ этотъ вопросъ, результатомъ чего и явилась новая его работа: «Разсужденіе о средствахъ исправленія учрежденій и законодательства въ Россіи».

Изъ приведеннаго перечня, заключающаго въ себѣ нѣкоторые труды Балугьянскаго, къ которымъ мы еще, впрочемъ, вернемся, видно, какъ правящіе круги воспользовались счастливымъ сочетаніемъ въ авторѣ теоретика и практика. Мы уже имѣли случай упомянуть, что раціонализмъ Балугьянскаго менѣе всего могъ подвергнуться упреку въ безпочвенности и интеллигентскомъ доктринерствѣ.

Авторитетъ Балугьянскаго росъ въ академической средѣ, и, послѣ преобразованія института въ главный педагогическій институтъ, онъ былъ избранъ деканомъ философско-юридическаго факультета, въ каковой должности онъ оставался до преобразованія института въ университетъ.

По открытіи университета, надо было приступить къ организаціи административной части, начавъ съ избранія ректора, обязанности котораго до того несъ В. Г. Кукольникъ. По распоряженію министра народнаго просвѣщенія, которымъ 19 ноября 1817 года былъ назначенъ князь А. Н. Голицынъ, предсѣдательскія обязанности въ совѣтѣ профессоровъ исполнялъ тотъ-же Кукольникъ, академическая же администрація опиралась на деканатъ. Балугьянскій, и послѣ преобразованія института въ университетъ, оказался переизбраннымъ въ деканы своего факультета (26 марта 1819 г.). Изъ трехъ тогдашнихъ декановъ, когда наступилъ чередъ выбирать ректора, кромѣ Балугьянскаго, ни одинъ не былъ выдвинутъ кандидатомъ на этотъ постъ. Только германофилы предложили кандидатуру профессора всеобщей исторіи и лектора нѣмецкой словесности, яраго нѣмецкаго патріота, Соломона Раупаха, — имя, намъ уже извѣстное.

Какъ видно изъ дѣла попечительской канцеляріи за 1819 годъ, № 15: «Объ образованіи Санктпетербургскаго университета», избраніе перваго ректора сопровождалось осложненіемъ, которое дове-

[1]) См. ниже — о свиданіи императора съ Б-имъ 13 декабря 1825 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

дено было до свѣдѣнія комитета министровъ. Въ «Исторіи комитета министровъ» Середонина это дѣло изложено кратко, неполно и фактически неправильно. Тамъ говорится, что при двукратныхъ выборахъ въ ректоры оба раза голоса поровну дѣлились между профессорами Балугьянскимъ и Раупахомъ, а совѣтъ рѣшилъ дѣло жребіемъ, который палъ на Раупаха; министръ народнаго просвѣщенія донесъ комитету министровъ, что, если-бы не было жребія, то онъ ходатайствовалъ бы объ утвержденіи Балугьянскаго, который несравненно превосходилъ Раупаха; комитетъ нашелъ избраніе жребіемъ вообще не цѣлесообразнымъ и не согласнымъ съ установленнымъ порядкомъ и утвердилъ представленіе министра.

По даннымъ же попечительской канцеляріи за 1819 годъ, попечитель представилъ Раупаха къ утвержденію, но комитетъ министровъ призналъ выборы по жребію противозаконными (а, слѣдовательно, и не могъ утвердить ихъ результата). Тогда комитетъ постановилъ произвести новые выборы. На перевыборахъ Балугьянскій получилъ 12 избирательныхъ шаровъ, 4 неизбирательныхъ, въ виду чего и былъ утвержденъ государемъ въ званіи ректора. Деканомъ, на его мѣсто, былъ избранъ его землякъ — П. Д. Лодій.

Но ректорство не только не принесло Балугьянскому удовлетворенія, какое, напротивъ, получили студенты и профессора подъ его безпристрастнымъ и отзывчивымъ управленіемъ, не только отнимало у него время для научной работы, но ввергло его, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самую гущу отвратительной политической борьбы, когда онъ могъ вспомнить французскую поговорку: «politique, le plus sale des metiers».

Благодаря этой политической борьбѣ, въ которой Балугьянскій не искалъ опоры ни въ какой группѣ, а искалъ и отстаивалъ только правду, какъ онъ понималъ ее, онъ принужденъ былъ сложить съ себя ректорское званіе. Но «людямъ политическаго ремесла» этого оказалось мало, и Балугьянскій долженъ былъ оставить также и профессорскую кафедру въ университетѣ, на которую былъ приглашенъ изъ заграницы. (Надо, кстати, замѣтить, что, кромѣ кафедры политической экономіи, послѣ преобразованія педагогическаго института въ университетъ, на Балугьянскаго возложено было также преподаваніе и по кафедрѣ энциклопедіи политическихъ и юридическихъ правъ).

Бросимъ бѣглый взглядъ на то, что́ произошло въ политикѣ того времени и привело нашего ученаго къ такому печальному исходу.

По сравненію съ тѣмъ временемъ, когда, около пятнадцати лѣтъ назадъ, Балугьянскій пріѣхалъ въ Петербургъ, политическія настроенія радикально измѣнились. Такъ и сказалъ новый попечитель учебнаго округа, Руничъ, одному изъ профессоровъ (Арсеньеву): «То было одно время, а теперь другое». Этотъ профессоръ Петербургскаго университета съ изумленіемъ указалъ, что его руководство, ранѣе печатанное съ разрѣшенія правительства, теперь служитъ предметомъ обвиненія.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Что наступило другое время, объ этомъ зналъ не только Балугьянскій, но и его семья, такъ какъ страданія ея главы не могли пройти незамѣченными для нея, въ особенности тотъ день, когда, морально и физически разбитый, онъ вернулся съ засѣданія профессорскаго совѣта. Вотъ какой симптоматическій фактъ сообщаетъ объ этомъ времени дочь Балугьянскаго[1]). Близкая къ императору Александру I-му, баронесса Крюденеръ разсказывала дочери Балугьянскаго о времени, — это относилось къ 1821 г., — когда Балугьянскій оставилъ университетъ: «Всякій разъ въ шесть часовъ государь приходилъ къ ней (баронессѣ Крюденеръ) съ нѣсколькими приближенными, въ числѣ которыхъ былъ князь Александръ Голицынъ, Галаховъ и др., кажется, и Магницкій, и проводилъ у нея бо́льшую часть вечера. Въ ея комнатѣ стоялъ чрезвычайно изящный образъ Покрова Богородицы, нарисованный съ большой бѣлой пеленой: это былъ подарокъ императора, и здѣсь-то все собравшееся общество проводило время въ молитвѣ и поученіяхъ». Въ переводѣ на политическій языкъ, по отношенію къ интересующему насъ событію, это значило: замѣститель графа Завадовскаго на посту министра народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, въ годъ переименованія педагогическаго института въ главный, былъ замѣненъ княземъ Александромъ Голицынымъ. Новосильцева, попечителя округа, давно уже не было. Оказался принужденнымъ подать въ отставку и его преемникъ, графъ Уваровъ, составитель закона объ учрежденіи Петербургскаго университета. Программа преподаванія въ университетѣ, согласно этому закону, была найдена антирелигіозной. Уварова замѣнилъ Д. П. Руничъ, единомышленникъ Голицына и Магницкаго, попечителя Казанскаго учебнаго округа, и Карнѣева, попечителя Харьковскаго учебнаго округа. Директоромъ Петербургскаго университета былъ назначенъ Кавелинъ, принадлежавшій къ тому-же мистическому направленію, какъ и только что названныя лица.

Гроза разразилась по поводу профессорскихъ лекцій, записи которыхъ были тайно отобраны Кавелинымъ у студентовъ, согласно приказу Руничa. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія нѣкоторыхъ профессоровъ Петербургскаго университета была доктрина естественнаго права. За книгу о ней проф. Куницынъ лишился кафедры. Магницкій писалъ объ этой книгѣ: «Врагу божію три года только нужно было, чтобы довести дѣло свое отъ кафедры Куницына до потрясенія Неаполя, Турина, Мадрида, Лиссабона и до сей торжественной проповѣди англійскаго парламента». Ректоръ университета долженъ былъ давать о ней объясненія, во-первыхъ, какъ лицо отвѣтственное за преподаваніе, а во-вторыхъ, какъ авторитетный спеціалистъ. Вотъ отзывъ главнаго правленія училищъ о выступленіи Балугьянскаго въ этой роли: «Съ извѣст-

[1]) Нужно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ Балугьянскій былъ преподавателемъ великихъ князей, не только онъ, но и семья его вошли въ близкое соприкосновеніе съ царскимъ дворомъ; лѣтомъ они жили въ Павловскѣ, во дворцѣ вдовствующей императрицы Маріи Федоровны.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

нымъ его благочестіемъ, съ обширнымъ просвѣщеніемъ, съ краснорѣчіемъ мужа ученаго, свободно излагая, при общемъ молчаніи, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, систему того естественнаго права, которое, по мнѣнію его, можетъ преподаваться безвредно, онъ никакъ не могъ уладить сей науки съ вѣрою христіанскою».

Руничъ и Кавелинъ собрали конференцію профессоровъ университета и, въ присутствіи Балугьянскаго, подвергли обсужденію инкриминируемыя выдержки изъ лекцій профессоровъ Раупаха, Германа, Арсеньева, Галича и др. Между прочимъ, Руничъ обвинялъ Раупаха въ проповѣди явно обдуманной системы невѣрія, Германа — въ томъ, что изъ статистики, науки простой, онъ дѣлаетъ то-же, что и Раупахъ и т. д. Обвиненія пересыпались такими эпитетами, какъ «мартинизмъ», «робеспьеризмъ», «rebelle», «incendaire» и т. д. Этими «поносными» (выраженіе современной записки) словами Руничъ началъ ругать Раупаха въ засѣданіи, «не давая никому выговорить ни одного слова; г. Кавелинъ говорилъ, что, если бы г. президентъ послушалъ его и сдѣлалъ бы отношеніе къ оберъ-полиціймейстеру, чтобы прислалъ человѣка четыре жандармовъ, то тогда между голыхъ палашей, стоя за налоемъ, Раупахъ бы того не сдѣлалъ». Проф. Германъ потребовалъ: «la révision, faite par des juges compétens versés dans les sciences politiques». Современная записка, изъ которой взяты эти свѣдѣнія, сообщаетъ, что профессора Лодій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Вишневскій, Ржевскій, адьюнктъ Радловъ и директоръ училищъ Тимковскій дѣлали свои представленія и увѣряли, что въ поведеніи Раупаха не было ничего, что́ заслуживало бы подобнаго отношенія. Балугьянскій спрашивалъ, о чемъ надлежало судить и давать мнѣнія? Руничъ отвѣчалъ ему грубыми насмѣшками, «неприличными прицѣпками и придирками». Четыре раза писали, поправляли, переписывали и т. д. вопросъ, на который конференція профессоровъ, подъ давленіемъ Рунича и Кавелина и по ихъ требованію, должна была дать отвѣтъ: «Можно ли допустить мнѣніе профессоровъ Германа и Раупаха въ томъ, что они не признаютъ выписокъ, составленныхъ въ главномъ правленіи училищъ и отъ г. министра въ общее собраніе университета препровожденныхъ, законными и на собственномъ ихъ ученіи основанными?» Пренія по этому вопросу были такъ остры, что нѣкоторые профессора «поражены были до слезъ; профессору же Балугьянскому сдѣлался родъ обморока, и онъ не могъ усидѣть на своемъ стулѣ»; а до того, и на неблагопристойныя выходки, и на заискивающія слова Рунича, обращаемыя къ нему, онъ просидѣлъ, не отвѣчая ни однимъ словомъ.

Мнѣніе Балугьянскаго въ данномъ случаѣ заключалось въ слѣдующемъ: «Ученіе, предложенное въ сихъ выпискахъ, ужасно и не можетъ быть терпимо ни въ какомъ, ни публичномъ, ни приватномъ заведеніи. Профессоры, кои преподавали бы такое ученіе, были бы недостойны никакого довѣрія отъ правительства». «Но какими же поражены были ужасами члены конференціи, — гово-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

рится дальше въ означенной запискѣ, — когда на другой же день исправляющій должность конференцъ-секретаря проф. Плисовъ объявилъ Балугьянскому, что Кавелинъ на дому у себя сдѣлалъ подлогъ въ семъ его мнѣніи, вымаравши въ переводѣ онаго условную частицу *бы* и заставивши его, Плисова, переписать переводъ сего мнѣнія въ такомъ видѣ».

На соотвѣтствующее заявленіе Балугьянскаго Руничъ отвѣтилъ въ оффиціальной бумагѣ: «Профессоры Балугьянскій, Грефе, Соловьевъ и Плисовъ прислали ко мнѣ мнѣнія; въ нихъ оказалось новое усиліе подвергнуть подозрѣнію законность дѣлопроизводства, которое, по обнаруженіи профессоромъ Плисовымъ явнаго пристрастія въ пользу обвиняемыхъ преподавателей, было поручено подъ особенное наблюденіе директора университета»[1]).

Въ концѣ концовъ, Раупахъ, Германъ и Арсеньевъ были лишены кафедръ и уволены изъ университета[2]). Что же касается ректора, то, какъ сказано въ протоколѣ, въ засѣданіи совѣта университета 3 ноября 1821 года, подъ предсѣдательствомъ Рунича, было «читано высочайшее повелѣніе о томъ, что Санктъ-Петербургскій университетъ удостоенъ титула императорскаго университета и что профессоръ Балугьянскій увольняется отъ званія ректора; г. министръ поручаетъ исправленіе должности ректора заслуженному профессору Зябловскому».

Черезъ три года Балугьянскому пришлось оставить и университетскую кафедру. Это случилось 12 апрѣля 1824 года, когда министромъ народнаго просвѣщенія сталъ адмиралъ Шишковъ, утвердившій предложеніе объ отставкѣ Балугьянскаго, сдѣланное Руничемъ. При этомъ жалованіе по должности профессора (2 тысячи рублей) было опредѣлено ему въ пенсію.

Любопытно, что на требованіе со стороны обвиненныхъ профессоровъ суда изъ компетентныхъ лицъ, могущихъ разбираться въ политическихъ вопросахъ, окружное начальство постановило предать ихъ уголовному суду. Но всемогущій тогда Аракчеевъ далъ по этому поводу такое заключеніе въ комитетъ министровъ: «Ежели не будетъ дѣлаемо различіе между подозрѣніемъ и преступленіемъ и по каждому доносу безразборно предавать уголовному суду, то всѣ чиновники въ Россіи могутъ найтись подъ судомъ и ни одинъ честный, съ малѣйшимъ благоразуміемъ, человѣкъ не пожелаетъ принять на себя никакой должности». Замѣчательно, что и его

---

[1]) Дмитрій Руничъ: Краткая записка о общемъ собраніи императорскаго Санктпетербургскаго университета, 3, 4 и 7 ноября сего 1821 года, въ главное правленіе училищъ.

[2]) Проф. В. В. Григорьевъ, изучившій хорошо исторію Петербургскаго университета, разсказавъ о дѣяніяхъ Рунича, примѣчаетъ: «Намъ кажется, что неблаговидное поведеніе нѣкоторыхъ русскихъ профессоровъ университета (ихъ было 7 изъ 20-ти), ставшихъ на сторону Рунича и Кавелина, происходило частью изъ національнаго нерасположенія ихъ къ Раупаху и Герману, какъ нѣмцамъ». См. его: Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, С.-Пб. 1870, стр. 14.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

политическій антиподъ, адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, присоединившись къ этому мнѣнію, указалъ: «излагатель ошибочнаго мнѣнія — еще не преступникъ». А Руничъ, за свое усердіе, по представленію Голицына, былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 2-ой степени. Когда же Руничъ поѣхалъ благодарить за этотъ орденъ и встрѣтился съ великимъ княземъ и будущимъ императоромъ, Николаемъ Павловичемъ, бывшимъ ученикомъ Балугьянскаго, тотъ иначе оцѣнилъ его «усердіе»: «Я, сказалъ онъ, принялъ уволеннаго профессора Арсеньева въ инженерное училище. Увольте еще нѣсколькихъ профессоровъ такой-же учености и нравственности, тогда я смогу поставить преподаваніе въ этомъ заведеніи на должную высоту».

«Не оживешь, аще не умрешь». Умерла для Балугьянскаго академическая дѣятельность, но, къ счастью, только оффиціально. Мы увидимъ ниже, какъ она возродится, принявъ только иную форму.

Не съ легкимъ сердцемъ Петербургскій университетъ проводилъ своего лучшаго наставника и администратора. «По отзыву одного изъ его слушателей, — говоритъ проф. Григорьевъ, — это былъ преподаватель одушевленный и увлекательный, съ знаніями обширными и разнородными, замѣчательное сочиненіе котораго «Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ» утвердило въ нашей литературѣ тогда еще новую терминологію политической экономіи». (Ср. Университетскій отчетъ за 1847 г. — отзывъ Плетнева).

А вотъ что говоритъ о своей академической дѣятельности самъ Балугьянскій, который былъ — по оцѣнкѣ служившаго подъ его начальствомъ М. А. Корфа — «правдивѣйшимъ и вмѣстѣ безпритязательнѣйшихъ изъ людей»: «1) Подъ моимъ руководствомъ образовано и выпущено до трехъ сотъ воспитанниковъ, изъ числа которыхъ многіе заняли уже профессорскія кафедры въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. 2) Оплачиваемый за лекціи политической экономіи, я преподавалъ права финансовыя и коммерческія безъ всякаго вознагражденія. 3) Безвозмездно также читаются мною лекціи въ продолженіи семи лѣтъ находящимся на государственной службѣ лицамъ, во исполненіе указа 1809 года. 4) Въ теченіе того-же времени, не получая тоже никакого содержанія, состою членомъ комитета, учрежденнаго для производства испытаній служащимъ. Начальство, надѣюсь, подтвердитъ ревностное исполненіе возложенныхъ на меня обязанностей, за которыя я до сего времени не получалъ никакихъ наградъ, вѣроятно — потому, что я несу и другія должности».

Затѣмъ, въ этой-же запискѣ, неизвѣстно съ какой цѣлью поданной министру финансовъ Гурьеву[1]), идетъ перечисленіе трудовъ

[1]) Записку эту нашелъ среди бумагъ Балугьянскаго его біографъ П. Барановъ: Балугьянскій Михаилъ Андреевичъ, С.-Пб. 1882, стр. 12—13.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

автора на чисто государственномъ поприщѣ[1]). Они совершались въ комиссіи составленія законовъ и въ министерствѣ финансовъ. Эти труды, цѣнность которыхъ разъяснится въ слѣдующей главѣ, являлись не только преддверіемъ къ государственной дѣятельности Балугьянскаго, но послужили также и яркимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ, что русскому правительству представился счастливый случай воспользоваться услугами исключительно компетентнаго въ государственныхъ дѣлахъ ученаго, который проявилъ себя въ Россіи не менѣе, если не болѣе памятнымъ и знаменательнымъ образомъ, чѣмъ какъ академическій дѣятель.

Были ли такъ безкорыстно преданы своему природному отечеству его противники? Не думаю. Это люди типа: ubi bene, ibi patria.

Глава V.

Государственная дѣятельность М. А. Балугьянскаго въ министерствѣ финансовъ и въ комиссіи составленія законовъ.

По пріѣздѣ въ Россію, Балугьянскій не могъ миновать круга реформъ. Какъ теоретикъ-государствовѣдъ, онъ и самъ приглядывался къ нимъ, а вскорѣ и въ немъ распознали не только человѣка, «пришедшагося ко двору», по русской пословицѣ, но и ко времени. Въ Россіи нельзя было принимать активное участіе въ процессѣ политическаго строительства, не состоя на государственной службѣ. Поэтому онъ постепенно пріобщается къ правительственному аппарату и вносится въ табель о рангахъ. И все-же до 30-хъ годовъ, не перемѣняя подданства[2]), онъ становится энергичнымъ дѣятелемъ, не глядя на затѣнявшіе его чиновничьи экраны.

Такое пріобщеніе очень пригодилось, когда произошелъ его разрывъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ которомъ запрещалось много такого, что́ разрѣшалось въ другомъ или даже поощрялось въ третьемъ министерствѣ. Сперанскій, въ письмѣ къ императору Александру, характеризовалъ это положеніе вещей образно: «Каждый министръ смотрѣлъ на свое министерство, какъ на пожалованную деревню».

Мы видѣли, какъ будущій императоръ пригласилъ въ инженерное училище, съ почетомъ и лестной аттестаціей для потерпѣвшихъ, одного изъ «крамольныхъ» профессоровъ Петербургскаго университета, какимъ, впрочемъ, былъ и самъ ректоръ — Балугьянскій. Еще до университетской катастрофы, параллельно со своею академическою дѣятельностью, для которой онъ, собственно, только и вызывался, Балугьянскій оказался необходимымъ въ трехъ вѣдомствахъ: финансовъ, юстиціи и составленія законовъ. Именно здѣсь

---

[1]) Эту часть записки приведемъ ниже. Надо помнить, что указанные труды относятся еще къ тому времени, когда продолжалась и академическая дѣятельность Балугьянскаго.

[2]) Что́ случилось, какъ увидимъ ниже, по причинамъ не личнаго характера.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

онъ создалъ себѣ нерукотворный памятникъ, съ котораго до сегодня не снятъ еще покровъ.

Новосильцевъ, первый познакомившійся съ Балугьянскимъ, какъ попечитель учебнаго округа, главенствовалъ, по должности товарища министра юстиціи, и въ комиссіи составленія законовъ. Начальникомъ ея былъ сначала графъ Завадовскій, а потомъ (съ 21 октября 1803 г. до 31 января 1826 г.) кн. Лопухинъ — до преобразованія ея во 2-ое отдѣленіе канцеляріи Е.В., т. е. до порученія ея Балугьянскому.

Лопухинъ, при посредствѣ того-же Новосильцева, предложилъ Балугьянскому, черезъ четыре мѣсяца по его пріѣздѣ, вступить на службу и во ввѣренное ему учрежденіе. Балугьянскій согласился и получилъ назначеніе во вторую экспедицію комиссіи, которая завѣдывала законодательной техникой хозяйства и финансовъ русскаго государства, находящихся, какъ сейчасъ увидимъ, въ большомъ неустройствѣ.

Самое названіе этого отдѣленія обнаруживаетъ тѣсную связь его съ министерствомъ финансовъ. Проэкты законовъ, составлявшіеся здѣсь, какъ и систематизація старыхъ, не могли обходиться безъ заключенія министра финансовъ. Мы увидимъ, что министръ финансовъ, графъ Гурьевъ, вступилъ впослѣдствіи въ самыя близкія служебныя отношенія къ Балугьянскому, который сдѣлался затѣмъ его главнымъ вдохновителемъ и помощникомъ. Но пока, на поприщѣ реорганизаціи финансовъ, Балугьянскій былъ выдвинутъ Сперанскимъ, который говорилъ, что въ своей оффиціальной дѣятельности онъ больше всего написалъ о финансахъ и зналъ въ нихъ толкъ; вотъ почему онъ и могъ цѣнить знанія Балугьянскаго въ этой области. Какъ уже было сказано выше, Сперанскій познакомился съ нашимъ ученымъ при посредствѣ своего коллеги по Александро-Невской семинаріи, И. С. Орлая.

Въ то время звѣзда Сперанскаго лишь начала восходить, загораясь все болѣе яркимъ свѣтомъ. Учрежденіе министерствъ въ 1802 году было составлено въ самыхъ общихъ и немногочисленныхъ статьяхъ, и роль Сперанскаго заключалась въ томъ, чтобы создать образцовое, по техникѣ, для другихъ министерствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ; вторымъ отдѣленіемъ послѣдняго и завѣдывалъ будущій реформаторъ. Сперанскій находился тогда въ періодѣ усиленнаго юридическаго самообразованія, которое онъ пріобрѣлъ только благодаря своимъ спеціальнымъ дарованіямъ и знанію языковъ англійскаго (онъ былъ женатъ на англичанкѣ) и французскаго. Съ величайшимъ вниманіемъ и свойственной ему обходительностью принялъ онъ Балугьянскаго, этого блестящаго представителя западно-европейской науки, которую онъ поглощалъ въ громадномъ количествѣ. Нечего говорить, какое впечатлѣніе осталось у него при этомъ первоначальномъ знакомствѣ съ Балугьянскимъ. Съ другой стороны, и самъ Балугьянскій увидѣлъ, что передъ нимъ человѣкъ, всесторонне образованный, полный ини-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ціативы, смѣлости и широкаго размаха въ государственномъ строительствѣ.

Въ описываемую пору Гурьевъ былъ еще только товарищемъ министра, но Сперанскій выдвинулъ его на постъ министра. А пока онъ получилъ указаніе отъ послѣдняго, можно сказать, на открытый кладъ. Гурьевъ, человѣкъ не безъ способностей, но администраторъ придворнаго типа, очень богатый, ведшій образъ жизни хлѣбосольнаго русскаго барина, не преминулъ воспользоваться знаніями Балугьянскаго во всей полнотѣ. То, что дѣлалъ Сперанскій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, надо было сдѣлать Гурьеву въ министерствѣ финансовъ, которое еще не получило надлежащей, систематической организаціи. Западно-европейскія идеи Адама Смита и др. были извѣстны лишь теоретически. Гурьевъ не былъ вылѣпленъ изъ того тѣста, которое даетъ Сперанскихъ. При его образѣ жизни, при его вельможествѣ, садиться за изученіе западно-европейскихъ теорій было очень трудно. А тутъ вдругъ оказался налицо такой колодезь знаній, какъ Балугьянскій.

Чтобы понять положеніе его въ министерствѣ финансовъ, надо упомянуть еще объ одной перемѣнѣ, происшедшей около того-же времени въ комиссіи составленія законовъ. Главная роль въ послѣдней перешла къ Сперанскому, который, вмѣсто Новосильцева, сдѣлался товарищемъ министра юстиціи. Онъ получилъ наименованіе директора комиссіи и произвелъ ея коренную реформу. Онъ очистилъ ее отъ излишняго балласта, не приносившаго никакой пользы, напримѣръ, отчислилъ отъ нея нѣкоторыхъ берлинскихъ юристовъ, ограничивавшихся лишь полученіемъ содержанія, въ родѣ криминалиста Фейербаха, и той-же участи послѣдовало еще около 50 чиновниковъ, среди которыхъ было много остзейскихъ нѣмцевъ, а даже оказались два нѣмецкихъ мастеровыхъ съ подложными паспортами Юрьевскаго университета (ср. письмо Сперанскаго къ В. П. Кочубею отъ 13 апрѣля 1809 г.). Сперанскій же сократилъ здѣсь вліяніе барона Г. А. Розенкампфа, о которомъ Балугьянскій отзывался весьма отрицательно[1]).

Нашествіе остзейцевъ въ русскія государственныя учрежденія объяснялось тѣмъ, что Екатерина II, изъ страха передъ французской революціей и въ особенности послѣ дѣла Радищева, запретила отправлять молодыхъ русскихъ за границу для довершенія ихъ образованія. А такъ какъ прибалтійское дворянство подходило въ этомъ случаѣ подъ общую норму, то государыня-нѣмка разрѣшила имъ открыть университетъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ), которому фанатичный поклонникъ Фридриха Великаго, Павелъ I, далъ въ 1799 году особый уставъ.

Сперанскій раздѣлилъ комиссію на четыре отдѣленія и призвалъ въ нее лучшихъ образованныхъ людей изъ другихъ универ-

[1]) Розенкампфъ принадлежалъ тоже къ остзейскому дворянству, причемъ думалъ по нѣмецки, а законы писалъ по французски, такъ что только дѣлопроизводитель комиссіи Вронченко переводилъ ихъ на русскій языкъ, Сперанскій же все перечеркивалъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ситетовъ, какъ, напримѣръ, профессора Якоби изъ Харькова, знатока финансовъ Вирста и т. д., Балугьянскаго же сдѣлалъ начальникомъ четвертаго отдѣленія, гдѣ сосредоточивалась законодательная работа по вопросамъ государственнаго хозяйства и публичнаго права.

Все это надо имѣть въ виду вотъ почему. Когда Гурьевъ заказалъ Балугьянскому составленіе проэкта реорганизаціи русскихъ финансовъ, этотъ послѣдній, выполнивъ свою работу на основаніи того политико-экономическаго научнаго знанія, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ Россію, отдалъ свой трудъ первоначально не заказчику Гурьеву, а своему непосредственному начальнику — Сперанскому. Сдѣлалъ онъ это не только по служебному положенію, но и потому, что опытный, изощренный взоръ его не могъ не видѣть различія между этими двумя политическими дѣятелями — Гурьевымъ и Сперанскимъ. Этотъ актъ передачи Балугьянскимъ своей работы Сперанскому имѣлъ послѣдствія громадной важности, не столько по личнымъ, сколько по общимъ условіямъ. Чтобы понять ихъ, надо знать отношенія принциповъ политико-экономической науки въ примѣненіи ихъ къ Россіи, какъ этому положилъ начало своей запиской Балугьянскій.

Понятно, что мы въ настоящее время ушли изъ той исторической перспективы, въ свѣтѣ которой можно бы правильно оцѣнить экономическія идеи, развившіяся въ Европѣ, начиная съ достопамятнаго «Богатства народовъ» знаменитаго англичанина. Поэтому не лучше ли обратиться за вѣрнымъ представленіемъ къ одному изъ современниковъ, знавшихъ дѣло ближе и судившихъ о немъ иначе, чѣмъ мы теперь?

Въ этомъ отношеніи можно опереться на мнѣніе замѣстителя Сперанскаго въ должности государственнаго секретаря и его біографа — М. А. Корфа, который превосходно зналъ и Сперанскаго, и Балугьянскаго, причемъ симпатіи его были на сторонѣ пріѣзжаго карпаторосса.

Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ упомянутой біографіи Сперанскаго Корфъ говоритъ попутно о почти безусловномъ господствѣ идей геніальнаго Адама Смита въ тогдашней Европѣ и высказываетъ, между прочимъ, мнѣніе, примѣчательное въ устахъ русскаго человѣка, стоявшаго у самаго кормила правленія; имъ лучше всего обрисовывается значеніе Балугьянскаго, какъ экономиста. Адамъ Смитъ, — говоритъ Корфъ, — «внеся сочиненіемъ своимъ многія великія истины въ науку народнаго хозяйства, пустилъ въ ходъ и нѣсколько мнѣній, болѣе смѣлыхъ, нежели основательныхъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ парадоксовъ, пройдя черезъ руки французскихъ и нѣмецкихъ экономистовъ, имѣвшихъ притязаніе дополнить и усовершенствовать его систему, разлились по Европѣ въ видѣ истинъ, столь-же безспорныхъ и непреложныхъ, какими были прочія его идеи. Государственные люди, усвоившіе себѣ экономическія понятія изъ этихъ писателей, покушались приложить теоріи Смита

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

къ практикѣ управленія; успѣхъ не вездѣ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Съ другой стороны, вопросы, возбужденные славнымъ англичаниномъ касательно основныхъ стихій промышленности и матеріальныхъ силъ народа, нигдѣ не были подвергнуты изслѣдованію столь глубокому, какъ въ собственномъ его отечествѣ. Рикардо, Мальтусъ и другіе писатели, разбирая эти вопросы въ Англіи передъ соединеннымъ судомъ публики и правительства, удостовѣрились въ томъ, какъ еще далеко отстояло отъ полноты разрѣшеніе главныхъ даже задачъ, какъ мало были исчерпаны представлявшіяся данныя и какъ, наконецъ, при сложности фактовъ и многоразличіи результатовъ, обманывавшихъ иногда на дѣлѣ всѣ разсчеты теоріи, трудно было остановиться здѣсь на чемъ-либо безусловномъ и непреложномъ. Если существованіе такихъ трудностей было усмотрѣно въ краѣ высшей образованности и публичности, въ самой родинѣ Смитова ученія, гдѣ, впрочемъ, разнообразіе системъ никогда не задерживало развитія народнаго богатства, то легко было предвидѣть, какими несравненно еще бо́льшими затрудненіями будетъ сопровождаться приложеніе этихъ теоремъ къ государству съ другой формою правленія, съ столь малою, по соразмѣрности, степенью просвѣщенія и съ совершеннымъ отсутствіемъ гласности и общественнаго мнѣнія. Нѣкоторыя изъ многочисленныхъ переложеній англійскаго ученаго, слитыя съ умозрѣніями французскихъ экономистовъ и разведенныя многословными коментаріями нѣмецкихъ писателей той эпохи, проникли и въ Петербургъ. Но, бывъ преподаваемы и при дворѣ академикомъ Шторхомъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ профессоромъ Балугьянскимъ, эти теоріи долго оставались безъ всякаго вліянія и воздѣйствія на мѣры правительства. Сперанскій первый у насъ покусился ввести ихъ въ практику. Въ дѣлѣ, гдѣ многое для успѣха должно было обусловиться самымъ близкимъ знаніемъ края и его силъ, онъ отважился итти впередъ съ однимъ свѣтильникомъ науки, еще не вполнѣ утвердившейся и вообще тогда, въ началахъ своихъ, а тѣмъ болѣе въ примѣненіяхъ, еще весьма шаткой».

Этотъ отрывокъ, весьма цѣнный по своей характеристикѣ тогдашнихъ условій, тогдашняго отношенія къ политико-экономическимъ теоріямъ, даетъ представленіе объ обстановкѣ, въ которой пришлось работать Балугьянскому въ министерствѣ финансовъ. Надо лишь добавить, что въ упомянутый «свѣтильникъ науки» послѣдній подлилъ не мало своего масла.

И вотъ какъ это случилось. Когда Сперанскій ознакомился съ мыслями нашего ученаго — какъ разрѣшить задачу, предложенную Гурьевымъ, онъ задумалъ сдѣлать имъ провѣрку. Онъ находилъ этотъ вопросъ слишкомъ важнымъ, чтобы удовольствоваться мнѣніемъ одного, хотя и весьма компетентнаго, ученаго. Отвѣтственность была велика. Благодаря низкому состоянію курса валюты, страна оказалась въ тяжеломъ положеніи. Изъ-за финансовыхъ затрудненій ей угрожало банкротство. Но тѣмъ болѣе, слѣдовательно, надо было искать исцѣленія въ реформѣ, являвшейся насущной,

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

неотложной потребностью момента. Сперанскій сдѣлался тогда уже всемогущъ; онъ зналъ это, но зналъ также и то, что, отвѣчая за все, онъ долженъ быть сугубо остороженъ.

Произведенная Сперанскимъ провѣрка дала блестящую побѣду Балугьянскому. Реформаторъ, преданный наукѣ и самъ въ ней искушенный, обратился еще къ двумъ ученымъ, авторитетъ которыхъ въ этомъ вопросѣ былъ признанъ. Это — вышеназванные Вирстъ, составитель торговаго уложенія въ комиссіи составленія законовъ, и, вызванный изъ Галле, профессоръ Харьковскаго университета Якоби, который получилъ извѣстность, благодаря своему сочиненію о банкахъ. Этому ученому тріумвирату Сперанскій поручилъ разработку финансоваго плана. По окончаніи этой работы, иниціаторъ, къ своему удивленію, пришелъ къ убѣжденію, что первоначальная, индивидуальная работа Балугьянскаго была куда выше коллективной, въ виду чего онъ предложилъ послѣднему еще разъ просмотрѣть ее.

Недостатокъ Балугьянскаго и, наоборотъ, преимущество Сперанскаго заключались въ незнаніи первымъ и въ превосходномъ знаніи вторымъ русской дѣйствительности и административной машины по опыту съ малыхъ должностей. Послѣ просмотра, записка Балугьянскаго послужила реформатору теоретической, ученой канвой, по которой и былъ имъ вышитъ узоръ коренного преобразовательнаго плана русскихъ финансовъ. Но Сперанскій не удовлетворился и этимъ. Этотъ планъ былъ внесенъ на обсужденіе комитета, состоявшаго изъ гр. Северина Потоцкаго, Мордвинова, Кочубея, Компенгаузена и, разумѣется, самого Балугьянскаго, первоначальный трудъ котораго Сперанскій расхвалилъ и передъ комитетомъ. Тутъ еще разъ все было просмотрено, кое-что измѣнено, и новая редакція поступила въ оффиціальную комиссію, собранную товарищемъ министра финансовъ Гурьевымъ. Работы этой комиссіи заняли не мало засѣданій. Въ результатѣ былъ выработанъ окончательный текстъ законопроэкта. 1 января 1810 г., т. е. въ самый день торжественнаго открытія государственнаго совѣта, императоръ Александръ I передалъ этотъ законопроэктъ предсѣдателю «высокаго сословія».

Такимъ образомъ, Балугьянскій явился тѣмъ, кто положилъ первый камень подъ зданіе русскихъ финансовыхъ реформъ, причемъ искусное и всегда оригинальное перо Сперанскаго дало ему стройную, примѣнительно къ Россіи, юридическую форму. Проникавшей эту реформу общей идеѣ Сперанскій далъ слѣдующее выраженіе: «Во всѣхъ временахъ первое правило правительства есть — быть справедливымъ; но въ наше время первая нужда есть — быть сильнымъ и богатымъ».

Произведенная работа имѣла важное значеніе для развитія дальнѣйшей служебной карьеры Балугьянскаго.

1 января 1810 г., по представленію Сперанскаго, Гурьевъ былъ назначенъ министромъ финансовъ, причемъ, въ свою очередь,

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

тѣмъ-же числомъ издалъ приказъ о причисленіи Балугьянскаго къ своей канцеляріи, съ оставленіемъ его во всѣхъ прежнихъ должностяхъ. Въ слѣдующемъ году Балугьянскій былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго совѣтника и сдѣланъ кавалеромъ возстановленнаго Александромъ I-мъ ордена св. Владимира 4-ой степени, дававшаго русскимъ подданнымъ права потомственнаго дворянства. И вообще, съ тѣхъ поръ Гурьевъ особенно покровительствовалъ своему сотруднику, испрашивая для него разныя награды (см. письмо Сперанскаго къ дочери отъ 8 мая 1823 г. въ изданіи «Въ память графа Сперанскаго»). 1 февраля 1812 года, благодаря Гурьеву, Балугьянскій былъ назначенъ членомъ пятаго отдѣленія министерства финансовъ, а одновременно получилъ отъ императора Александра, который давалъ ему личныя порученія[1]), три тысячи рублей (а ранѣе еще бриллiантовый перстень).

Приближеніе Балугьянскаго имѣло для Гурьева болѣе, чѣмъ подсобное значеніе, которое еще увеличилось послѣ паденія Сперанскаго. Гурьевъ не обладалъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ полетомъ мысли, какимъ отличался Сперанскій, и богатствомъ знаній Балугьянскаго. Сперанскому нужна была освѣдомительная рабочая сила, Гурьеву же необходима была административная, творческая способность[2]).

Нечего распространяться, въ какомъ положеніи находились финансы Россіи, которая, освободивъ себя и Европу отъ наполеоновскаго ига, въ лицѣ императора Александра I-го измѣнила политику Екатерины II-ой, не позволявшей арміи переступать границъ Россіи на Западѣ, чтобы **manu militari** вмѣшиваться въ европейскія дѣла, внукъ же ея, слѣдуя отцу, потратилъ громадныя живыя и матеріальныя силы народа, чтобы освободить и Западную Европу отъ міродержавныхъ замысловъ Бонапарта. Ко времени окончанія этого освобожденія финансы Россіи пришли въ весьма печальное положеніе.

Сосланный Сперанскій томился въ Сибири. Кто же могъ предложить новый планъ для устраненія грознаго кризиса? Только Балугьянскій. Но на этотъ разъ обширный планъ, разработанный имъ, былъ представленъ государю за подписью графа Гурьева, какъ министра финансовъ.

Какъ велико значеніе трудовъ Балугьянскаго въ области реформъ по министерству финансовъ, лучше всего и безъ всякаго преувеличенія свидѣтельствуютъ слѣдующія слова его записки къ

---

[1]) Напр., по дипломатической части: подготовить и редактировать рѣшеніе спора между С. А. С. Ш. и Англіей въ 1822 г., арбитромъ котораго стороны признали Александра I; составленіе нотъ Китаю на латинскомъ языкѣ и др.

[2]) И потому въ томъ періодѣ, когда Балугьянскій пересталъ принимать дѣятельное участіе въ комиссіи составленія законовъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже, Гурьевъ сдѣлалъ его директоромъ комиссіи погашенія долговъ, въ годъ перваго ея преобразованія въ 1817 г. Чтобы показать значеніе этого назначенія, напомнимъ, что государственныхъ долговъ тогда числилось 836 милліоновъ рублей. 18 января 1829 г. Балугьянскій самъ попросилъ объ увольненіи его отъ этой должности.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Гурьеву, черновикъ которой сохранился въ его бумагахъ: «Могу положительно сказать, что въ теченіе трехъ лѣтъ денно и нощно посвящено было все время мое на выполненіе таковой работы. Плодомъ означенныхъ трудовъ моихъ была, во-первыхъ, записка, поднесенная вами императору въ 1814 году съ изложеніемъ новаго финансоваго плана, который удостоился вполнѣ высочайшаго одобренія. Послѣ того мною поданы были вамъ проэкты образованія кредитныхъ учрежденій, банковъ и вообще все то, что́ вамъ угодно было ввѣрить разработкѣ моей. Не говоря уже о приведенныхъ обширныхъ и многосложныхъ работахъ, выполненныхъ мною по желанію вашему и по довѣрію вашему ко мнѣ, изготовилъ не мало различныхъ проэктовъ по предмету обращенія бумажныхъ денегъ въ пограничныхъ мѣстахъ имперіи, по налогамъ, займамъ и вообще вопросамъ, обязывавшимъ правительство къ ихъ разрѣшенію, благодаря современному положенію дѣлъ».

Послѣдній періодъ жизни и дѣятельности Балугьянскаго неизмѣнно связанъ съ учрежденіемъ, въ которое, какъ мы видѣли, пригласилъ его Лопухинъ.

Этотъ періодъ раздѣляется на двѣ части. Первая — когда онъ нашелъ въ немъ пріютъ послѣ оставленія университета[1]). Вторая — самый важный, самый значительный моментъ, можно сказать — вѣнецъ его государственной дѣятельности, это — работа и начальствованіе въ томъ-же учрежденіи, но кореннымъ образомъ преобразованномъ, съ новыми задачами, съ новыми цѣлями, съ новыми методами работы.

Что́ же это было за учрежденіе — эта комиссія составленія законовъ? Собственно говоря, она возникла еще подъ мощною рукою Петра Великаго. Ея идея, столь-же грандіозная, сколь трудно тогда осуществимая, — дать Россіи новые законы. Трудность ея доказывается уже ея исторіей. На протяженіи 126 лѣтъ она мѣняла свой характеръ девять разъ, и все безъ результата. Когда въ нее поступилъ Балугьянскій, послѣдовало десятое ея измѣненіе. Продвиженіе реформъ въ первую половину царствованія Александра I-го, а, слѣдовательно, и соотвѣтствующаго законодательства, должно было имѣть громадное значеніе и для комиссіи составленія законовъ. Но таковаго она не получила до самой смерти этого государя. Большинство реформъ, какъ осуществленныхъ, такъ и намѣченныхъ только, происходило келейно, подъ спудомъ. Населеніе, да и громаднѣйшая часть правящаго класса узнавали о нихъ, какъ о совершившемся фактѣ. Реформы созидались приказнымъ порядкомъ. Спрашивается, какую же роль выполняла сама комиссія и что́ дѣлалъ въ ней Балугьянскій?

При отмѣченномъ порядкѣ вещей, чѣмъ незамѣтнѣе была роль дѣятеля, тѣмъ существеннѣе могли быть результаты. По крайней мѣрѣ, это справедливо по отношенію къ нашему ученому.

---

[1]) Такъ, Балугьянскій и его семья помѣщались даже въ домѣ этого учрежденія, именно, въ камеръ-коллегіи на Екатерининскомъ каналѣ, у Большого театра.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

На комиссію составленія законовъ возложена была подготовительная, законосовѣщательная работа. Она касалась законовъ, лишенныхъ политическаго характера. Въ данный моментъ комиссія составляла гражданское уложеніе, чѣмъ, впрочемъ, не исчерпывалась ея дѣятельность, вѣрнѣе, дѣятельность ея отдѣльныхъ членовъ. Имъ давались особыя порученія, выходившія за предѣлы законодательства, т. е. прямого назначенія комиссіи.

Такъ, въ одномъ докладѣ императору Сперанскій привелъ чрезвычайно любопытное свѣдѣніе, а именно, что Балугьянскій въ теченіе года долженъ былъ разсмотрѣть нѣсколько десятковъ судебныхъ дѣлъ; очевидно, все это были дѣла «казусныя», т. е. дѣла, которыя прошли всѣ стадіи процесса, установленнаго закономъ, и не могли получить удовлетворительнаго рѣшенія, причемъ среди нихъ были и такія, окончательное рѣшеніе коихъ не послѣдовало не только благодаря недостатку, неясности, темнотѣ и пр. законовъ (толкованіе законовъ судьямъ воспрещалось), но и «по опасности отъ разныхъ персонъ пристрастія»[1]). А тутъ нашелся такой замѣчательный законовѣдъ и, къ тому-же, неподкупно честнѣйшій человѣкъ, какъ Балугьянскій. Въ тѣ поры такое соединеніе встрѣчалось не часто.

Сначала работа Балугьянскаго въ комиссіи шла параллельно съ его академической дѣятельностью и со службою въ министерствѣ финансовъ. Съ 1812 г. его законосовѣщательная дѣятельность при этомъ учрежденіи прерывается. По оставленіи университета, онъ получаетъ штатное мѣсто члена совѣта комиссіи (въ апрѣлѣ 1822 г.), а хорошо знавшій его Лопухинъ вручилъ ему даже управленіе дѣлами этого совѣта. Послѣ удаленія Розенкампфа, Балугьянскій, впредь до преобразованія комиссіи во 2-ое отдѣленіе канцеляріи Е. В., съ котораго начинается вторая часть дѣятельности его въ описываемый періодъ, назначается старшимъ членомъ совѣта комиссіи. Большинство его законопроэктовъ въ комиссіи относится къ финансовымъ вопросамъ (кромѣ упомянутаго общаго плана — записки о монетной системѣ, о банкахъ, о налогахъ, о займахъ и пр.). Но были у него работы, относившіяся и къ другому виду. Для уразумѣнія ихъ вернемся нѣсколько назадъ.

Во время пріѣзда Балугьянскаго въ Россію, какъ мы говорили уже, шла жаркая борьба между защитниками министерствъ и ихъ противниками, сторонниками коллегій. Первые побѣдили. Но реформа министерствъ 1802 года имѣла незаконченный, крайне не-

[1]) Сослуживецъ Балугьянскаго Г. А. Розенкампфъ сообщаетъ: «Чтобы побудить судей, находящихся въ «беззаконномъ положеніи» (т. е. при отсутствіи кодексовъ законовъ) къ безпристрастію, давно существовало правило, по которому судьи за каждую въ высшей инстанціи отмѣну ихъ рѣшенія подвергались штрафу отъ 5 до 10 процентовъ исковой суммы. Губернскія судебныя учрежденія, какъ апелляціонная инстанція, присуждали къ штрафамъ въ подобныхъ случаяхъ членовъ уѣздныхъ и надворныхъ судовъ, какъ суда первой инстанціи, а сенатъ, въ свою очередь, какъ третья инстанція, присуждалъ къ штрафамъ членовъ губернскихъ судебныхъ палатъ; въ концѣ концовъ, все это падало на самыхъ тяжущихся».

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

совершенный видъ. Политическому наслѣднику «тріумвирата», изъ нѣдръ котораго вышла реформа 1802 года, надлежало приняться за реорганизацію. Неизвѣстно — онъ ли, или Новосильцевъ привлекъ къ разработкѣ министерскихъ учрежденій и Балугьянскаго.

Въ бумагахъ Балугьянскаго имѣется слѣдующее указаніе по этому поводу. Перечисляя свои работы въ комиссіи, послѣ «плана и проэкта свода положеній публичнаго права», онъ говоритъ о принадлежности ему также и «проэкта реорганизаціи министерствъ, который послужилъ основаніемъ въ преобразованіяхъ, совершенныхъ въ 1810 году». Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно содержаніе этого проэкта, но можно сомнѣваться, чтобы онъ явился основою закона о министерствахъ 1810—11 гг. И вотъ почему. Законъ съ первой до послѣдней страницы принадлежитъ Сперанскому, редакція же его находится въ органической связи съ закономъ о государственномъ совѣтѣ, къ которому уже Балугьянскій, какъ показываютъ его собственныя бумаги, не имѣлъ никакого отношенія. Кромѣ того, по своей основной идеѣ, законъ о министерствахъ 1810 г., что́ самое главное, построенъ на основаніяхъ, противоположныхъ тѣмъ, какія въ администраціи защищалъ Балугьянскій. Это можно положительно утверждать на основаніи позднѣйшаго его сочиненія «О средствахъ исправленія учрежденій и законодательствъ въ Россіи»[1]).

Въ протоколахъ засѣданія комитета отъ 6 декабря 1826 года есть мѣсто, относящееся къ этому сочиненію Балугьянскаго: «Комитетъ призналъ, что, несмотря на нѣкоторыя, замѣченныя имъ и, впрочемъ, неважныя ошибки въ описаніи сдѣланныхъ императрицей Екатериной II-ой измѣненій въ устройствѣ управленія, сія записка достойна особеннаго вниманія, ибо заключаетъ въ себѣ многія мысли и предположенія, коими можно будетъ воспользоваться при составленіи окончательныхъ подробныхъ заключеній комитета».

Если-бы учрежденіе министерствъ 1810—11 гг. было разработано на основахъ, согласныхъ съ мнѣніемъ Балугьянскаго въ этой позднѣйшей запискѣ, то онъ, ища причинъ деспотизма, не сказалъ бы: «Нынѣшнее учрежденіе министерствъ, имѣющее единственно въ виду образованіе письмоводителей, а не государственныхъ людей, есть сему (т. е. деспотизму), между прочимъ, главнѣйшей причиной». Такимъ образомъ, именно это учрежденіе министерствъ Балугьянскій считалъ проводникомъ деспотизма. Онъ спрашиваетъ: «Въ нашемъ вѣкѣ гдѣ деспотизмъ?» — и отвѣчаетъ: «онъ есть въ управляющихъ мѣстахъ и лицахъ, дѣйствующихъ съ совершенно неопредѣленной властью въ замѣшательствѣ порядка въ производствѣ дѣлъ (бюрократизмъ)». И дѣйствительно,

[1]) Это сочиненіе, по высочайшему повелѣнію, было внесено въ комитетъ 6-го декабря 1826 года. Копія его найдена въ бумагахъ графа Д. Н. Блудова, политическаго противника Сперанскаго, потомъ подкапывавшагося и подъ самого Балугьянскаго. Въ этой копіи Балугьянскій признаетъ себя авторомъ означенной записки.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

законъ Сперанскаго о министерствахъ былъ проникнутъ принципомъ единоличнаго министерскаго управленія; канцеляріи (бюро) являлись подготовительными инстанціями для такого управленія. Балугьянскій же выступаетъ защитникомъ коллегіальнаго начала.

Чтобы познакомиться съ его государственными воззрѣніями, приведемъ изъ этого его сочиненія нѣсколько мыслей, относящихся къ такой защитѣ. Нужно помнить остроту, для того времени, этого вопроса. Рѣшенію его были посвящены многія анонимныя записки, представленныя государю. (И записка Балугьянскаго была представлена отъ «неизвѣстнаго»). По словамъ Балугьянскаго, достоинства коллегіальнаго начала заключаются въ образованіи государственныхъ людей, а не только письмоводителей. Затѣмъ идетъ перечисленіе другихъ причинъ, какъ-то: общее удовольствіе, ибо учрежденіе коллегіальнаго образа правленія есть общее желаніе Россіи; возвышеніе достоинства и уваженія правительственныхъ мѣстъ (нынѣ что́ директоры, начальники отдѣленія и пр., какъ не секретари министровъ?); пресѣченіе произвола; зрѣлое разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ не однимъ, но многими; скорость рѣшеній, что́ произойдетъ изъ удобнаго размѣщенія дѣлъ между разными правительственными мѣстами; сбереженіе безчисленнаго числа чиновниковъ въ центрѣ правительства, перемѣщеніе ихъ въ губерніи, гдѣ нужда въ способныхъ людяхъ ощутительна. «Къ симъ выгодамъ — прибавляетъ авторъ — осмѣливаюсь присовокупить важнѣйшую всѣхъ: что государь освободится отъ бремени разсмотрѣнія всякихъ мелочей, какими нигдѣ государи не занимаются, что ему дѣла будутъ представляться зрѣло обдуманныя, что онъ выиграетъ время заниматься величайшими дѣлами, которыя заблагоразсудитъ избрать предметомъ своихъ разсужденій». Поэтому совѣты при министрахъ, какъ это установлено закономъ 1810—11 гг., Балугьянскій предлагаетъ сдѣлать коллегіями изъ трехъ—пяти чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ министра, дѣла же рѣшать большинствомъ голосовъ, по генеральному регламенту. Тотъ-же порядокъ долженъ быть заведенъ въ департаментахъ, подъ предсѣдательствомъ директора. Одинаковый способъ слѣдуетъ ввести въ губерніяхъ, уѣздахъ и городскихъ управленіяхъ.

Подвергая критикѣ учрежденіе министерствъ 1810-11 гг., Балугьянскій не вѣдалъ, что оно лишь часть болѣе обширнаго, пока еще тайнаго плана, о которомъ въ Россіи знали лишь три человѣка и на который уже было дано согласіе императора. Этотъ планъ заключался въ введеніи въ Россіи государственной думы въ столицѣ и малыхъ думъ въ губерніяхъ, округахъ (губернскихъ, окружныхъ, волостныхъ думъ). Этотъ коренной законъ долженъ былъ, между прочимъ, ввести также и министерскую отвѣтственность.

Въ комиссіи составленія законовъ Балугьянскому было разновременно поручаемо также составленіе сельскаго устава и законовъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

полицейскихъ[1]). Кромѣ того, онъ былъ назначенъ членовъ Лифляндскаго комитета, учрежденнаго для пересмотра положенія о крестьянахъ[2]). Всѣ названные проэкты сопровождались объяснительными записками и историческими введеніями къ нормируемымъ предметамъ, что́, при его огромнѣйшемъ запасѣ свѣдѣній, для Балугьянскаго, конечно, не было трудно.

Глава VI.

Дѣятельность М. А. Балугьянскаго во 2-мъ отдѣленіи канцеляріи Его Величества.

13 декабря 1825 года многочисленная семья Балугьянскаго сидѣла за вечернимъ чайнымъ столомъ. Вдругъ доложили о прибытіи скорохода изъ Аничкова дворца. То былъ курьеръ великаго князя Николая Павловича, который на слѣдующій день долженъ былъ вступить на Всероссійскій императорскій престолъ.

Извѣстно, что на этотъ другой день произошло возстаніе декабристовъ, а еще наканунѣ по городу ходили темные слухи; въ связи съ неопредѣленностью престолонаслѣдія населеніе волновалось. Понятно, поэтому, съ какою тревогою семья отпустила Балугьянскаго и ждала его до полуночи.

Въ трудную минуту будущій императоръ хотѣлъ найти въ своемъ бывшемъ учителѣ совѣтника, какимъ былъ Гриммъ у Екатерины II, у ея сына — одно время — іезуитъ Груберъ, а у ея внука — профессоръ и проректоръ Дерптскаго университета Парротъ, котораго Александръ I часто выслушивалъ даже и въ ночное время и который, между прочимъ, отговаривалъ его отъ разстрѣла Сперанскаго.

Дочь Балугьянскаго разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, о чемъ происходила длинная бесѣда Николая Павловича съ ея отцомъ. Государь объявилъ, что предполагаетъ взять за образецъ своего правленія Петра Великаго и выразилъ неуклонное желаніе руководствоваться всею строгостью закона. А такъ какъ собранія законовъ все еще не было, то, естественно, разговоръ перешелъ къ обсужденію дѣятельности комиссіи составленія законовъ, въ которой старшимъ членомъ состоялъ Балугьянскій, а часто хворавшаго Лопухина замѣнялъ Сперанскій. «Тутъ-же впервые было помянуто имя Сперанскаго», — добавляетъ М. А. Медемъ.

Николай Павловичъ относился къ послѣднему безъ особеннаго расположенія и довѣрія, а когда на другой день произошли памятныя событія, то это отношеніе, конечно, не могло измѣниться къ лучшему. Императоръ хорошо зналъ, что при всѣхъ измѣненіяхъ въ

---

[1]) Къ этого рода проэктамъ надо отнести и позднѣйшіе проэкты городового положенія и положенія о выборахъ.

[2]) Кстати сказать: лифляндское и курляндское дворянства избрали Балугьянскаго въ свои сословія и, съ высочайшаго утвержденія, вручили ему соотвѣтствующія грамоты на потомственное дворянство.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

спискахъ членовъ предполагавшейся директоріи неизмѣнно оставалось имя Сперанскаго. И хотя даже тайное слѣдствіе не нашло никакихъ основаній къ обвиненію его, все-же у императора оставалось неблагопріятное впечатлѣніе о немъ. Такимъ образомъ, становятся понятными слова Николая, обращенныя къ Балугьянскому, которыя послѣдній самъ передавалъ Корфу (см. ниже).

Было рѣшено, что комиссія составленія законовъ преобразуется во 2-ое отдѣленіе канцеляріи Е. В., причемъ на послѣднее возлагается троякая задача, формулированная Сперанскимъ: создать Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи въ хронологическомъ порядкѣ, составить систематическій Сводъ Законовъ дѣйствующихъ, а потомъ перейти къ составленію Уложеній, т. е. новыхъ законовъ. Начальникомъ этой канцеляріи императоръ назначалъ Балугьянскаго, а управленіе всей кодификаціонной дѣятельностью возлагалъ на Сперанскаго, не давая ему, однако, никакого оффиціальнаго званія[1]). При этомъ императоръ сдѣлалъ такое предупрежденіе начальнику объ управляющемъ:

— «Смотри же, чтобы онъ не надѣлалъ такихъ-же проказъ, какъ въ 1810 году: ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ».

Необходимо взглянуть еще хотя мелькомъ, по главной линіи, на долю участія обоихъ этихъ дѣятелей въ кодификаціонной работѣ. Мы сказали — «по главной линіи» потому, что оба они вкладывали въ это дѣло, можно сказать, всю свою душу, всѣ свои знанія и не щадили времени. Вотъ это-то и являлось связующимъ ихъ цементомъ. Безчисленныя взаимныя совѣщанія, безчисленные совѣты и указанія — все это, конечно, не поддается точному учету, но все это было и принесло соотвѣтственные плоды.

Мы хотимъ намѣтить лишь главную линію, исключительно на основаніи знакомства съ дѣлопроизводствомъ и бумагами, какія намъ случилось разсматривать въ архивѣ соотвѣтствующаго учрежденія. Знакомясь съ работою 2-го отдѣленія, которое въ просторѣчіи называлось «сводомъ», можно наглядно убѣдиться въ томъ, что именно Балугьянскій былъ главнымъ техническимъ администраторомъ всего обширнаго предпріятія. Въ эпоху составленія перваго Полнаго Собранія Законовъ требовалась болѣе механическая, подготовительная работа. Такъ, въ этотъ періодъ, какъ главный администраторъ, Балугьянскій хлопочетъ объ открытіи доступа редакторамъ въ различные архивы различныхъ учрежденій, чтобы получить оттуда точные реестры законовъ и, гдѣ можно, подлинные ихъ тексты. Онъ настаиваетъ передъ властью на открытіи архивовъ секретной экспедиціи и правленія герцога Курляндскаго и принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской, когда «чиновники оныхъ архивовъ считаютъ себя не вправѣ отпуска безъ

[1]) При учрежденіи 2 отд. собств. Е. В. канцеляріи «Сперанскому было поручено управленіе, а Балугьянскій былъ назначенъ начальникомъ». Ниже мы останавливаемся на сопоставленіи этихъ двухъ дѣятелей.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

особаго высочайшаго повеленія»[1]). Онъ контролируетъ пріемъ архивовъ, дѣлаетъ повѣрку главныхъ реестровъ, торопитъ окончаніе снятія копій[2]).

Во второй періодъ, при составленіи Свода Законовъ, дѣятельность его становится болѣе творческой. Онъ выступаетъ въ роли составителя законопроэктовъ, болѣе ему свойственной, образцы которой мы приводили выше, говоря о комиссіи составленія законовъ. Замѣтимъ лишь еще, что онъ продолжаетъ писать по французски и объясняется со Сперанскимъ или на этомъ языкѣ, или по латыни, когда же приходится вести непосредственную переписку съ важными сановниками по конфиденціальнымъ порученіямъ, онъ пользуется тѣмъ-же языкомъ (французскимъ). (См. ниже — его переписку по поводу составленія учебника естественнаго права).

Никто не опредѣлялъ правъ и обязанностей Сперанскаго, кромѣ необходимости, заставившей императора прибѣгнуть къ его генію въ этомъ колоссальномъ предпріятіи. Поэтому получалось, все-же, странное сочетаніе. Начальникъ имѣлъ менѣе значенія, чѣмъ управляющій, противъ чего, зная это, никто, не исключая и императора, не возражалъ. Дѣло предоставлялось внутреннему такту главныхъ сотрудниковъ. Окружающіе хорошо помнили, что нынѣшній управляющій 2-мъ отдѣленіемъ нѣкогда управлялъ всей Россіей. Вотъ почему, когда просьбы и бумаги Балугьянскаго не помогали, выступаетъ Сперанскій, напримѣръ, въ письмахъ къ министру юстиціи Лобанову-Ростовскому, барону Дибичу, военному министру и т. д., гдѣ Сперанскій настаиваетъ, чтобы всѣ представленія Балугьянскаго были исполнены.

Но когда приходилось обращаться къ императору съ представленіями, выходящими изъ обычнаго закономѣрнаго порядка, выступалъ Балугьянскій, какъ лицо, пользовавшееся интимной довѣренностью монарха и никогда не встрѣчавшее у него отказа. И вотъ почему награды сыпались на лицъ, входившихъ въ составъ 2-го отдѣленія, которыя, впрочемъ, и трудились, не въ примѣръ прочимъ, изо всѣхъ силъ, чему первымъ примѣромъ былъ самъ Балугьянскій. Одинъ изъ этихъ чиновниковъ оставилъ воспоминанія о томъ времени, когда онъ и его сотоварищи имѣли счастье служить подъ начальствомъ обоихъ замѣчательныхъ руководителей: «Весь составъ отдѣленія собранъ былъ Сперанскимъ изъ людей самыхъ опытныхъ, образованныхъ, профессоровъ Царскосельскаго лицея и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній[3]) и самыхъ дѣль-

---

[1]) См. подлинную бумагу, подписанную Балугьянскимъ, въ нашей статьѣ: Къ теоріи и исторіи кодификаціи («Ученыя Записки Рус. Народнаго Университета въ Прагѣ», т. IV, 1931 г.).

[2]) Напримѣръ, въ одной оффиціальной бумагѣ онъ сѣтуетъ, что писцы пишутъ очень ошибочно, и проситъ назначить пятнадцать человѣкъ, болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, изъ бывшей комиссіи составленія законовъ.

[3]) Въ отдѣленіе были приняты также и нѣкоторые профессора, уволенные изъ Петербургскаго университета при катастрофѣ съ Балугьянскимъ, о которыхъ было сказано выше (Куницынъ, Арсеньевъ).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ныхъ молодыхъ людей, отлично кончившихъ курсъ въ лицеѣ и въ университетѣ. Труды по составленію сперва Полнаго Собранія Законовъ, потомъ Историческаго Свода и, наконецъ, Свода Догматическаго, распредѣлялъ самъ Сперанскій. Старшіе чиновники именовались редакторами, младшіе — ихъ помощниками. Всѣ заготовленныя ими работы просматривались Сперанскимъ однимъ или въ общемъ присутствіи, для чего собирались въ означенные дни редакторы подъ предсѣдательствомъ Балугьянскаго. Въ общемъ присутствіи разсматривались и обсуждались труды чиновниковъ, и всѣ возникавшіе по этому предмету вопросы разрѣшалъ Сперанскій, съ величайшимъ терпѣніемъ и вниманіемъ выслушивавшій всѣ замѣчанія и представленія подчиненныхъ».

Просматривая переписку Сперанскаго съ разными лицами въ періодъ 1826—28 гг. (Архивъ Государ. Совѣта, по описи бумагъ Сперанскаго — № 83), находимъ и рапорты ему Балугьянскаго, касающіеся собиранія узаконеній для Полнаго Собранія Законовъ. По мѣрѣ же движенія работы и выхода отдѣльныхъ томовъ, отчеты и законныя книги представлялъ Балугьянскій уже прямо Николаю I-му, причемъ этотъ послѣдній дѣлалъ указанія, преимущественно только техническія: отмѣчалъ неравенство шрифта, неудобство нѣкоторыхъ буквъ, неправильность распредѣленія краски и пр. (Архивъ Гос. Совѣта, № 71—83).

По воспоминаніямъ чиновниковъ 2-го отдѣленія, Балугьянскій, въ особенности въ отношеніяхъ къ болѣе молодымъ изъ нихъ, продолжалъ быть для нихъ и наставникомъ юридическихъ наукъ. Это была особаго рода «школа», о которой многіе вспоминали съ благодарностью и удовлетвореніемъ[1]). Такое продолженіе академической дѣятельности Балугьянскаго получило и должную оцѣнку: въ 1828 году Петербургскій университетъ избралъ Сперанскаго и Балугьянскаго своими почетными членами.

Каждый другой на мѣстѣ Балугьянскаго, въ этомъ затруднительномъ положеніи формально отвѣтственнаго начальника и фак-

---

[1]) Вообще, отдѣленіе, руководимое Сперанскимъ и Балугьянскимъ, какъ мы о томъ имѣемъ многочисленныя свидѣтельства, явилось разсадникомъ не только образованныхъ юристовъ-профессоровъ, но и выдающихся государственныхъ дѣятелей. Такъ, напримѣръ, когда готовились къ открытію 15 іюля 1834 года университета св. Владимира въ Кіевѣ, попечитель Кіевскаго округа В. Ф. фонъ-Брадке такъ выразился объ образованіи состава профессоровъ юридическаго факультета этого университета. По его словамъ, они были «изъ тѣхъ юристовъ, которые были ему уступлены Сперанскимъ или, лучше сказать, которыхъ онъ взялъ у него силою», какъ, напримѣръ, извѣстный Неволинъ, воспитанникъ Вятской семинаріи и Московской духовной академіи, который началъ свою гражданскую службу по собиранію и кодификаціи русскаго законодательства во 2-омъ отдѣленіи. Изъ чиновниковъ же 2-го отдѣленія, кромѣ Неволина, стали потомъ профессорами: С. Баршевъ, Я. Баршевъ, Ник. Крыловъ. Ивановскій, Куницынъ, Калмыковъ, Кранихфельдъ, Платоновъ и Рѣдкинъ. Дочь Балугьянскаго разсказываетъ, что талантливые люди изъ чиновниковъ 2-го отдѣленія были особо выдѣляемы ея отцомъ, и называетъ: Радека, Делянова, князя Урусова, барона Корфа и др.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

тическаго подчиненнаго, не могъ-бы обобраться отъ всякаго рода личныхъ недоразумѣній и столкновеній, въ особенности при оффиціальныхъ сношеніяхъ въ тотъ періодъ бюрократизма, но ни онъ самъ не подавалъ повода къ нимъ, ни кто другой, начиная со Сперанскаго, не вызывалъ и не могъ ихъ вызывать; послѣдній писецъ относился къ нему съ глубочайшимъ почтеніемъ, какъ къ человѣку, ученому и государственному дѣятелю, и ему прощали даже рѣзкости, т. е. прорывавшійся порою горячій темпераментъ, когда этого требовали условія дѣла.

«Скромность отца, — говоритъ дочь Балугьянскаго, — который всегда оставался въ тѣни, въ сторонѣ, была, вѣроятно, Сперанскому по сердцу... Находясь въ представленіяхъ и докладахъ между отцомъ и государемъ, Сперанскій всегда старался играть активную роль и отстранять отца отъ непосредственнаго участія въ этихъ докладахъ».

Но, какъ мы видѣли, это не совсѣмъ такъ. «Активность» Сперанскаго объяснялась иначе: его прошлыми заслугами въ исторіи русской государственности и тѣмъ, что, собственно, онъ несъ на себѣ историческую отвѣтственность за существо производимой имъ работы. Послѣдняя вшитывала въ себя способности и знанія Балугьянскаго, какъ ученаго законовѣда, знатока западно-европейскаго права, лучше видѣвшаго недостатки русскихъ законовъ, но въ данномъ случаѣ рѣчь шла пока лишь о «structura nova veterum legum». Кодификаціонная работа захватывала и Сперанскаго, въ свою очередь, изумительно владѣвшаго, для того времени, русскимъ языкомъ, знавшаго старые русскіе законы, одареннаго конструктивной способностью, умѣвшаго классифицировать явленія и поэтому создавшаго архитектонику замѣчательнаго памятника не только въ исторіи русскаго, но и мірового законодательства.

Мы не можемъ не сослаться тутъ и на біографа Сперанскаго, замѣстившаго его въ должности государственнаго секретаря, а тогда еще только начинавшаго чиновника той-же канцеляріи, Корфа, ежедневно наблюдавшаго сотрудничество этихъ двухъ, глубоко различныхъ между собою[1]), людей: «Сперанскій любилъ и уважалъ Балугьянскаго, какъ добрѣйшее и благороднѣйшее существо въ мірѣ, и берегъ его, какъ человѣка, близкаго къ государю; сверхъ того, онъ дорожилъ имъ и какъ источникомъ познаній, дѣйствительно энциклопедическихъ, изъ котораго можно было черпать сколько угодно, не боясь оскудѣнія. Между тѣмъ, сохранивъ и на службѣ привычки смиреннаго ученаго, чуждый всякаго искусства блеснуть своими произведеніями, Балугьянскій работалъ много, можно сказать, безпрестанно, но и при всемъ томъ, по чрезвычайной добросовѣстности, медленно, а это не соотвѣтствовало требованіямъ поспѣшной работы. Произведенія его по-

[1]) Это различіе, между прочимъ, сказывалось и въ карьерѣ того и другого: Балугьянскій, не задумываясь, подалъ въ отставку отъ должности ректора, а Сперанскій, послѣ управленія всей Россіей и послѣ оскорбительнаго указа, принялъ все-же должность Пензенскаго губернатора.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ступали на просмотръ, большею частью, въ видѣ неоконченномъ, иногда только въ видѣ плановъ или предварительныхъ очерковъ, и это заставляло Сперанскаго, хотя онъ и продолжалъ льстить тщеславію (sic!) добраго старика, окружая его всѣми внѣшними признаками власти, все направленіе работы и всѣ ея подробности сосредоточивать въ одномъ себѣ. Онъ велъ дѣло съ чрезвычайнымъ умѣніемъ и живою распорядительностью, не теряя ни минуты».

Число такихъ отзывовъ мы могли бы увеличить, но достаточно и приведенныхъ выше[1]).

Остановимся еще на другихъ замѣчаніяхъ дочери Балугьянскаго, касающихся взаимоотношеній этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, работавшихъ безъ устали и безъ всякихъ треній между собою, несмотря на неопредѣленность правъ, обязанностей, взаимнаго служебнаго положенія каждаго и различія взглядовъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

«Заслуги такого замѣчательнаго человѣка, какъ Сперанскій, по законодательству — говоритъ она — никогда не имѣли бы столь громаднаго значенія или, вѣрнѣе, успѣха, безъ дѣятельнаго участія Михаила Андреевича... Хотя этотъ послѣдній и былъ подчиненъ ему по службѣ, какъ младшій, но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда былъ его сотрудникомъ».

Мы видѣли выше, какъ воспринимали окружающіе второстепенные сотрудники значеніе работы Сперанскаго и Балугьянскаго. Послѣдній, по совершенно справедливымъ словамъ его дочери, «имѣлъ постепенную, методическую и строго научную подготовку», первый же былъ «self mad man» и выбился изъ рядового чиновничества на первое активное мѣсто въ имперіи. Возвысясь, Сперанскій сохранилъ не вельможное, высокомѣрное отношеніе къ окружающимъ, но событія заставили его быть сдержаннымъ, осторожнымъ, такъ сказать, застегнутымъ на всѣ пуговицы своего вицъ-мундира. Онъ раскрывался только среди небольшой группы близкихъ друзей. Подчиненнымъ онъ казался высокимъ и обаятельнымъ, а не простымъ и добродушнымъ, какъ Балугьянскій. Кромѣ того, послѣдній, имѣвшій громадную память и мощно развитый умъ, замѣнялъ сослуживцамъ и подчиненнымъ науку, въ какой тѣ чувствовали недостатокъ, Сперанскій же былъ далекъ отъ юридической схоластики, какою, мы видѣли, были пропитаны нѣмецкіе учебники права, а озарялъ его личный талантъ государственнаго прозрѣнія въ будущее своей родины, благодаря которому онъ не только былъ, какъ и его сотрудникъ, пѣстуномъ русскихъ юристовъ, группировавшихся, какъ увидимъ ниже, вокругъ нихъ, но и велъ за собою всю молодую Россію.

Дочь Балугьянскаго говоритъ дальше: «Сперанскій имѣлъ выгоду русскаго языка, чего былъ совершенно лишенъ (?) Михаилъ

[1]) Ср. еще, напр., отзывъ проф. Неймана, тоже служившаго при Сперанскомъ: «Зодчіе русской культуры», Прага, 1926, стр. 49, наша статья о Сперанскомъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Андреевичъ, бумаги котораго вчернѣ писались или по латыни, или по французски, а только впослѣдствіи онъ освоился съ чуждымъ (?!) ему языкомъ». Кромѣ того, говоритъ она дальше, что «Сперанскій могъ и долженъ былъ быть замѣчательнымъ человѣкомъ и государственнымъ дѣятелемъ въ Россіи, а Михаилъ Андреевичъ могъ быть тѣмъ-же и въ другихъ государствахъ». Не станемъ задерживаться на послѣднемъ вопросѣ: лучше ли быть Сперанскимъ въ своей странѣ, или Балугьянскимъ въ любой изъ странъ? Надо считаться съ тѣмъ, что этотъ вопросъ ставитъ дочь, естественно — не безпристрастная въ оцѣнкѣ значенія и дѣятельности отца.

Если намъ нигдѣ не пришлось встрѣтить явственно выраженнаго мнѣнія въ бумагахъ Сперанскаго о Балугьянскомъ, то тѣмъ любопытнѣе мнѣніе Балугьянскаго о Сперанскомъ, какъ его передаетъ его дочь: «Отецъ — говоритъ она — признавалъ достоинства и великія способности Сперанскаго и часто говорилъ, что Сперанскій былъ-бы совершенно великимъ государственнымъ человѣкомъ, если-бы онъ зналъ германскій элементъ, который онъ игнорировалъ совершенно (онъ любилъ французскій и англійскій, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о германскомъ). Это было важнымъ недостаткомъ въ его развитіи, какъ государственнаго дѣятеля. Въ силу этого, многія учрежденія Сперанскаго, разработанныя по программѣ французской, не выдерживаютъ строгой критики».

Здѣсь, какъ и въ системѣ построенія министерской власти (1810 г.), о чемъ шла рѣчь выше, Балугьянскій не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній. Сперанскій не любилъ вступать въ политическіе разговоры въ салонной, а тѣмъ болѣе въ служебной обстановкѣ, но его переписка съ друзьями и многочисленныя оставшіяся бумаги показываютъ неправильность приведеннаго выше мнѣнія. Сперанскій настолько зналъ нѣмецкій языкъ, усвоивъ его уже въ зрѣломъ возрастѣ, что свободно читалъ и цитировалъ на немъ, даже поэтовъ, въ своихъ письмахъ. Но это не такъ важно, какъ важно то, что въ его бумагахъ остались оригинальные разборы нѣмецкихъ философовъ права (а тогда русскихъ переводовъ не было). Слѣдовательно, нельзя говорить о томъ, что онъ «не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о германскомъ».

И еще важнѣе: что́ было тогда творчески своеобразнаго въ нѣмецкой философіи права? Не слѣдовалъ ли свѣточъ философіи — Кантъ, приступившій къ политической философіи въ старости, французскому элементу?[1]) А мысли французскихъ политическихъ философовъ не направлялись ли къ Англіи, гдѣ государственная дѣйствительность представляла назидательный матеріалъ для изученія? Венгрія же, своеобразно послѣдовавшая за ней (съ тѣми существенными чертами различія, о какихъ было сказано выше), являлась предметомъ наблюденія лишь мѣстныхъ профессоровъ

[1]) Современникъ Балугьянскаго, профессоръ Московскаго университета Скіаданъ называлъ эту философію Канта «crambe bis cocium» — «разогрѣтые щи».

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

права, въ числѣ которыхъ былъ и Балугьянскій. А при оцѣнкѣ разбираемаго мнѣнія надо все-же принять во вниманіе, что онъ былъ воспитанникомъ нѣмецкаго университета. Сперанскій же, въ это время, писалъ Александру I-му: можно знать право, не учась въ нѣмецкихъ и французскихъ университетахъ; ихъ юридическіе факультеты въ основаніи преподаванія имѣли римское право и возрожденную голландцемъ Гроціемъ доктрину естественнаго права греческихъ и римскихъ историковъ и юристовъ[1]).

Работа по собиранію русскихъ законовъ была вчернѣ готова къ 1828 году. Тогда Сперанскій возвратился къ мысли, съ какою былъ изданъ указъ объ экзаменахъ на чины 1809 г., производившихся одно время Балугьянскимъ, а именно, что Россіи необходимо подготовить кадры государственно-образованныхъ дѣятелей и въ особенности ученыхъ профессоровъ-государствовѣдовъ. Для этого имъ былъ составленъ обширный докладъ, въ которомъ доказывалась необходимость посылки русскихъ юристовъ, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, для дальнѣйшаго образованія за границу. На представленіи Петербургскаго университета о выборѣ такихъ лицъ изъ окончившихъ курсъ императоръ Николай I-ый сдѣлалъ слѣдующую надпись: «Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно были всѣ природные русскіе».

Кандидаты въ профессора на юридическія кафедры должны были предварительно подвергнуться подготовкѣ, подъ особымъ надзоромъ и руководствомъ бывшаго ректора Петербургскаго университета, а въ то время уже статсъ-секретаря — Балугьянскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ и подробную программу того, что́ слѣдовало изучить этимъ кандидатамъ. Программа эта столь полна и систематична, что является цѣннѣйшимъ памятникомъ исторіи юридической образованности въ Россіи, а въ то-же время и однимъ изъ лучшихъ образцовъ академической дѣятельности и самого Балугьянскаго (см. Приложеніе II).

Нельзя умолчать еще объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ дѣлу юридическаго образованія въ Россіи, въ которомъ долженъ былъ volens-nolens принять участіе и Балугьянскій. Въ своей государственной дѣятельности Балугьянскому еще разъ пришлось встрѣтиться съ «злополучной доктриной естественнаго права», но этотъ эпизодъ произошелъ скорѣе при комическихъ, чѣмъ драматическихъ обстоятельствахъ. Послѣ разыгравшейся въ Петербургскомъ университетѣ исторіи, главное правленіе училищъ, министерство народнаго просвѣщенія и комитетъ учебныхъ заведеній не знали, что́ дѣлать съ естественнымъ правомъ? За границей безвредно продолжали́ его преподаваніе, въ Россіи же одни полагали,

[1]) Монтескье въ «Lettres persannes» говорилъ о схоластическомъ направленіи Парижскаго университета: онъ такъ старъ, что уже бредитъ. Сперанскій написалъ статью, въ которой доказывалъ непригодность для Россіи системы римскаго права, и въ противоположность кодификаціи въ Западной Европѣ, съ ея рецепціей римскаго права, положилъ въ основу русской кодификаціи своеобразный классификаціонный принципъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

что надо совсѣмъ прекратить изученіе этого злокозненнаго предмета въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, другіе хотѣли исключить его только изъ среднихъ, третьи же, наконецъ, совѣтовали изслѣдовать дѣло объективно, какъ предлагалъ, напримѣръ, Мордвиновъ, и различать виновность преподавателей отъ истины или заблужденія преподаваемой доктрины. Изъ среднихъ учебныхъ заведеній все-таки, наконецъ, рѣшено было изгнать «право природы», а по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ былъ избранъ оригинальный путь: обезвредить доктрину, составивъ догматическій, оффиціально принятый учебникъ, нѣчто въ родѣ «катехизиса естественнаго права».

Какъ видно изъ дѣла министерства народнаго просвѣщенія отъ 25 апрѣля 1833 г. (Архивъ Гос. Сов., секретарскій столъ, № 560; ср. А. Н. Фатѣевъ: Къ исторіи юридической образованности въ Россіи), въ засѣданіи по устройству комитета учебныхъ заведеній было указано на необходимость составленія подобнаго руководства, для чего и были назначены три профессора Петербургскаго университета: Шнейдеръ, Штекгардтъ и Бессеръ[1]), причемъ министръ народнаго просвѣщенія поручилъ ихъ работу «надзору» Балугьянскаго. А потомъ, во избѣжаніе «всякихъ по сей важной части затрудненій и недоумѣній», было рѣшено предположенную мѣру объ изданіи учебника представить на благоусмотрѣніе императора Николая I-го, который и утвердилъ се, но съ тѣмъ, «чтобы сочиненіе сіе передано было на предварительное разсмотрѣніе Сперанскаго».

Такимъ образомъ, завелось цѣлое длинное «дѣло о сочиненіи руководства къ преподаванію права естественнаго». Два года ежемѣсячно оно фигурировало въ вѣдомостяхъ для доклада императору, въ коихъ была особая графа «о неисполненныхъ высочайшихъ повелѣніяхъ». Истекъ годовой срокъ для составленія учебника. Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ запросилъ Балугьянскаго о судьбѣ послѣдняго, на что предполагаемые составители представили рапорты съ объясненіями причинъ задержки. Завязалась, на французскомъ языкѣ, длинная переписка. Балугьянскій разъяснилъ, что составленіе учебника тремя авторами по столь спорному научному вопросу — дѣло весьма сложное и трудное, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ свое особое мнѣніе. Тогда прибѣгли къ «согласительной комиссіи», въ видѣ комитета, подъ предсѣдательствомъ, по высочайшему повелѣнію, самого Балугьянскаго. Прошелъ еще годъ, но результаты оказались столь-же незначительными. Тогда, потерявъ надежду на выполненіе этого рискованнаго предпріятія, Балугьянскій нашелъ слѣдующій выходъ: такъ какъ новый уставъ россійскихъ университетовъ не предвидѣлъ на юридическомъ факультетѣ кафедры естественнаго права, то онъ предложилъ министру: «не угодно-ли будетъ испросить высочайшее повелѣніе — означенный комитетъ закрыть». И его,

[1]) Въ началѣ предполагался еще и 4-ый сотрудникъ — Врангель, но онъ не участвовалъ въ составленіи учебника, какъ утверждаетъ Барановъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

дѣйствительно, закрыли, послѣ чего всѣ члены его, съ Балугьянскимъ во главѣ, вздохнули съ облегченіемъ.

Прежде, чѣмъ сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ жизни Балугьянскаго, намъ хотѣлось бы еще, для единства впечатлѣнія, обрисовать бѣглыми чертами его духовный обликъ, духовную основу его дѣятельности, которую мы разсмотрѣли въ предшествующихъ главахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подвести итогъ его трудамъ.

Несмотря на своеобразіе и многообразіе проявленій этой крупной личности, замѣчательной какъ по своему интеллектуальному богатству, такъ и по нравственной своей силѣ, она вызываетъ глубокое уваженіе, именно, своей гармоничностью и цѣльностью. Ни одного лицемѣрнаго шага, ни одного злонамѣреннаго отношенія къ окружающимъ людямъ. Вспыльчивость, несдержанность — это случалось у Балугьянскаго, и какъ преподавателя, съ кафедры, и какъ наставника, и какъ администратора и государственнаго дѣятеля высокаго положенія. Но особенность, дававшая единство всему его духовному облику, собиравшая его личность, какъ въ фокусѣ, озарявшемъ собою окружающую его среду, — это полная гармонія всѣхъ сторонъ его человѣческаго существа. Ученый не противорѣчилъ въ немъ государственному практику, а государственный дѣятель не расходился съ искренностью преподавателя-государствовѣда, считавшаго себя отвѣтственнымъ за каждое слово, направленное къ слѣдующимъ поколѣніямъ. Вѣдь и однимъ, и другимъ, и третьимъ онъ былъ уже тогда, когда, по долгу чести, выступилъ на защиту не только своихъ убѣжденій, не только своихъ товарищей и подчиненныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общечеловѣческихъ началъ культурнаго государства: свободы изслѣдованія и преподаванія, т. е. основного права и достоинства науки.

Мы видѣли и принесенную имъ по этому случаю жертву: ему пришлось оставить кафедру, пришлось снять ректорскую мантію. Но онъ былъ именно тотъ человѣкъ, котораго не мантія дѣлаетъ ученымъ ректоромъ. Снявъ ее и перейдя съ тою-же скромностью въ государственную канцелярію, онъ остался тѣмъ-же ученымъ, передававшимъ другимъ, прежде всего, свои знанія. Онъ вполнѣ оправдывалъ слова позднѣйшаго толкованія тѣхъ самыхъ научныхъ идей, какія онъ перенесъ въ Россію: «ученый, черезъ посредство своей науки, обязанъ принимать дѣятельное участіе въ тяжеломъ процессѣ жизненнаго движенія, а не прятаться съ дешевымъ самодовольствомъ или оправдывать временныя и несовершенныя стороны жизни, выдавая ихъ за безусловныя требованія какой-либо отвлеченной идеи»[1]). Так и Балугьянскій не былъ въ наукѣ ученымъ крохоборомъ, берегшимъ отъ окружающихъ двѣ-три выношенныя съ трудомъ идеи. Онъ разсыпалъ свои знанія съ

---

[1]) М. М. Алексѣенко: Взглядъ на развитіе ученія о налогѣ у экономистовъ Адама Смита, Ж. Бсея, Рикардо Сисмонди и Д. С. Милля, Харьковъ, 1870.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

необыкновенной добротой и щедростью и отдавалъ даже неоконченныя свои работы, когда въ нихъ была нужда, а затѣмъ тотчасъ же принимался за другія.

На жизнь Балугьянскій воздѣйствовалъ черезъ науку, а не черезъ политику, и потому въ средѣ, гдѣ ему пришлось работать, онъ оставался обыкновенно въ тѣни, но и незапятнаннымъ, хотя и не лишеннымъ скрытыхъ и явныхъ враговъ — изъ числа лицъ, стоявшихъ «толпою жадною у трона». Онъ былъ необходимъ Россіи своими знаніями, и эта необходимость двигала его по лѣстницѣ чиновъ, орденовъ, отличій, которыхъ самъ онъ не добивался.

Балугьянскій больше всего поработалъ творчески на поприщѣ россійскихъ финансовъ, хотя государственная работа его совершалась и въ двухъ другихъ направленіяхъ: по реформѣ мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій и по кодификаціи. Съ большою настойчивостью и напряженіемъ всѣхъ своихъ молодыхъ силъ онъ принялся за изученіе историческаго развитія финансовъ въ Россіи, результатомъ чего явились три части его исторіи финансоваго управленія Россіи императорскаго періода, а также трудъ, посвященный сравнительной исторіи финансовой администраціи и политики главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ. Сюда же слѣдуетъ присовокупить, въ качествѣ основы, и его теоретическій курсъ политической экономіи и финансоваго права, обнимавшій восемь частей. Все это еще ждетъ своего изслѣдователя-спеціалиста, который выяснитъ, въ какомъ преломленіи и при какихъ условіяхъ нашли примѣненіе въ государственномъ хозяйствѣ Россіи новыя идеи, принесенныя съ Запада и приспособленныя къ ея условіямъ Балугьянскимъ?

Въ государственномъ правѣ и въ общей теоріи права онъ держался доктрины естественнаго права въ умѣренномъ истолкованіи ея нѣмецкими учителями, а также, отчасти, Джономъ Локкомъ, и, подобно Кукольнику, онъ отказывался стать на антиисторическую точку зрѣнія, исповѣдывавшуюся Жанъ-Жакомъ Руссо и другими. Законо-собирательная работа въ Россіи придвинула и его, и Сперанскаго къ исторической школѣ, методологическое значеніе которой, раньше германскихъ юристовъ, было понято русскимъ правовѣдомъ Полѣновымъ, старшимъ современникомъ Балугьянскаго. Будучи приверженцемъ доктрины естественнаго права, въ упомянутомъ смыслѣ, Балугьянскій понималъ, что плодотворность его работы въ Россіи не можетъ не зависѣть отъ изученія историческихъ условій, мѣста и времени. Вѣчные и повсемѣстные рецепты права могутъ провозглашаться и возвышаться надъ ними, но въ исторически данномъ государствѣ слѣдуетъ, по его мнѣнію, руководиться тѣмъ, что примѣненіе принциповъ права зависитъ отъ матеріала, способнаго къ ихъ регуляторному воспріятію. Поэтому въ государственной дѣятельности Балугьянскаго и видна руководящая идея о необходимой соразмѣрности законовъ или распоряженія со средствами выполненія ихъ въ жизни, которую онъ былъ призванъ нормировать.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Глава VII.

Личная жизнь и послѣдніе годы М. А. Балугьянскаго.

Поѣхать на три года въ далекую страну; рѣшиться на это трудное путешествіе съ женою и только-что родившимся первенцемъ; на родинѣ прервать блестящую карьеру; довѣриться неизвѣстному изъ любознательности; остаться въ этой новой странѣ сорокъ два года, органически слившись съ ней, какъ съ отечествомъ; достигнуть здѣсь почетнаго положенія на верхахъ управленія; а главное — проникнуться сознаніемъ принесенной пользы братскому народу: какъ назвать такіе контрасты въ личной жизни человѣка?

На этотъ вопросъ находимъ отвѣтъ у самого Балугьянскаго, въ письмѣ его къ императору Николаю I-му: «Приближаясь къ западу дней моихъ и обращая послѣдніе взоры на прошедшее, не могу не помыслить, сколь удивительнымъ путемъ протекла жизнь моя!» Но далѣе, ни въ этомъ письмѣ, ни въ самой жизни Балугьянскаго біографъ его не найдетъ ничего удивительнаго, кромѣ самой его личности. И что́ могло быть удивительнаго въ жизни, прошедшей за конторкой, въ скромномъ кабинетѣ, въ старомъ халатѣ, съ гусинымъ перомъ за ухомъ, т. е. въ жизни ученаго-идеалиста, всецѣло погруженнаго въ свою работу и сохранившаго до самой смерти всю свѣжесть и силу своихъ умственныхъ способностей? За двѣ недѣли до его смерти, государственный секретарь баронъ М. А. Корфъ настойчиво добивался видѣть его, кого недоброжелатели изъ чиновно-придворныхъ сферъ иронически называли уже «перевернутой библіотекой», «la bibliothéque renversée», и этотъ старикъ, стоявшій уже на порогѣ могилы, принялъ посѣтителя, какъ-будто сознавая, что тотъ ни у кого другого на смогъ-бы найти тѣхъ научныхъ, историческихъ справокъ, какія понадобились ему, и, насколько хватило у него силъ, съ энтузіазмомъ, какъ, бывало, съ кафедры, объяснилъ Корфу всѣ его затрудненія и далъ ему необходимыя свѣдѣнія[1]).

Однажды графъ Блудовъ, замѣнившій Сперанскаго въ 1839 г. на посту главноуправляющаго 2-мъ отдѣленіемъ канцеляріи Е. В., доложилъ государю, что начальникъ этого отдѣленія — Балугьянскій, слѣпой, оглохшій старикъ, долженъ быть уволенъ.

— «Позвольте, графъ, мнѣ и Михаилу Андреевичу остаться на нашихъ мѣстахъ до нашей кончины», — сурово и наставительно отвѣчалъ императоръ непрошенному придворному совѣтнику.

Такъ Балугьянскій и остался за работой до самой смерти.

Личность человѣка можетъ проявиться не только въ характерѣ и направленіи его работы, но также и въ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ, какія его привлекаютъ. Въ часы досуга Балугьян-

[1]) Вообще, «лишь только встрѣчалась надобность узнать какой-либо историческій фактъ, случай, или просто запастись подробными свѣдѣніями о чемъ бы то ни было, отецъ былъ первымъ, къ кому обращались», — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ его дочь.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

скій не сторонился людей, не избѣгалъ знакомыхъ и скромныхъ развлеченій, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали чтеніе и музыка. Такъ, любимымъ отдыхомъ его, прежде всего, было чтеніе иностранныхъ газетъ. Онъ не могъ не слѣдить за міровыми событіями государственной жизни, какъ не можетъ не слѣдить метеорологъ за явленіями атмосферы. Ежедневно онъ пробѣгалъ ихъ въ газетахъ на итальянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ послѣдніе годы ихъ читала ему его дочь. Изъ художественной литературы самымъ любимымъ авторомъ его былъ Торквато Тассо.

Въ то-же время онъ до конца жизни не прерывалъ переписки съ государственными людьми и учеными Запада, какъ баронъ Штейнъ, Александръ Гумбольдтъ и др., а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ отвѣчать и на множество писемъ и записокъ изъ того высшаго петербургскаго общества, членомъ котораго дѣлали его близость его ко двору и служебное положеніе и представители котораго часто добивались у него протекціи передъ Сперанскимъ, желаннымъ гостемъ великосвѣтскихъ салоновъ[1]).

Эстетически развитой ученый, игравшій и самъ на флейтѣ, любилъ и музыку, но не ту, какою увлекались тогда въ петербургскихъ салонахъ, т. е. такъ называемую классическую нѣмецкую музыку, а оставался всегда почитателемъ итальянскихъ композиторовъ и мелодій. Изъ родныхъ пѣсенъ самой любимой пѣснью его была: «Ѣхалъ козакъ за Дунай». А выпивъ своего родного «токайскаго», онъ не прочь былъ пуститься и въ плясъ.

Простота жизни Балугьянскаго сказывалась во всемъ, начиная съ бытовыхъ условій и кончая обращеніемъ его съ людьми. При этомъ, однако, отчасти по своему вспыльчивому темпераменту, отчасти же благодаря тогдашнимъ чиновнымъ нравамъ, онъ часто позволялъ себѣ рѣзкое обращеніе съ подчиненными, хотя оно подчеркивало лишь его прямоту и простосердечіе. Въ воспоминаніяхъ дочери находимъ въ этомъ отношеніи немало характерныхъ случаевъ.

— «Ты дуракъ, молодой человѣкъ!» — сказалъ онъ однажды чиновнику 2-го отдѣленія, подавшему ему какую-то бумагу. Другого молодого человѣка, приглашеннаго имъ на обѣдъ, онъ сравнилъ съ мужикомъ за то, что тотъ носилъ большую бороду: «Mais vous avez l'air d'un moujik».

Однажды онъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи съ прибывшими прибалтійскими депутатами, обсуждавшими законопроэкты и привиллегіи для Прибалтійскаго края, а когда они начали хвалить Ригу, онъ перебилъ ихъ словами: «Ваша Рига ist ein Lump». Конечно, депутаты съ негодованіемъ удалились, оставивъ въ комнатѣ одного предсѣдателя, но черезъ нѣкоторое время они снова пожелали возобновить засѣданіе, дабы права и преимущества ихъ

[1]) Въ концѣ двадцатыхъ годовъ, говоритъ о немъ его дочь, «его вліяніе становилось значительнѣе и значительнѣе; многіе заискивали его расположеніе, съ тѣмъ, чтобы черезъ него попасть въ домъ Сперанскаго».

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

края не потерпѣли урону. — «На чемъ мы остановились»? — спросилъ Балугьянскій, открывая новое засѣданіе, а затѣмъ, выдержавъ паузу и сдѣлавъ видъ, что, наконецъ, вспомнилъ, сказалъ: «Да, мы остановились на томъ, что Рига ist ein Lump».

Какъ натура цѣльная, не корыстолюбивая и не честолюбивая, Балугьянскій не стремился къ перемѣнѣ вѣры и подданства, хотя не только тѣломъ, но и душою уже принадлежалъ Россіи. И если онъ, въ концѣ концовъ, все-же принялъ русское подданство, то не изъ какого-либо разсчета, а по необходимости, ради своей многочисленной семьи, которой приходилось уже навсегда оставаться и устраиваться въ Россіи[1]).

За время своей жизни въ Россіи Балугьянскій трижды (въ 1828, 1833 и 1845 гг.) ѣздилъ для лѣченія за границу, причемъ всѣ эти поѣздки были направлены въ Карлсбадъ. Приведемъ разсказъ дочери его о послѣдней, за два года до смерти, поѣздкѣ его туда: «Въ 1845 году здоровье отца разстроилось и зрѣніе стало ослабѣвать. Медики, въ искусство которыхъ онъ такъ искренне не вѣрилъ, послали его за границу; я съ моей дочерью и братомъ сопутствовали ему въ его поѣздкѣ. Мы отправились моремъ черезъ Гамбургъ. При проѣздѣ черезъ Прагу, со стороны чеховъ и славянскаго населенія была сдѣлана ему самая радушная встрѣча. Ганка явился къ намъ и предложилъ всевозможныя услуги. Онъ всѣми силами старался познакомить насъ со всѣмъ развитіемъ и успѣхами славянскаго дѣла, уговорилъ насъ поѣхать на первое представленіе чешскаго театра (гдѣ, по недостатку мѣстъ, намъ предложили помѣститься за кулисами, на самой сценѣ, но, конечно, въ сторонѣ, невидимой для публики), посѣтить пріюты, школы, имъ самимъ основанный музеумъ, семейные вечера, на которыхъ происходили чтенія Лермонтова и Пушкина... гдѣ всѣ обязаны были говорить только по чешски или по русски... Однимъ словомъ, старался сдѣлать наше пребываніе въ Прагѣ самымъ пріятнымъ»[2])...

Какъ на эту поѣздку, такъ и на двѣ предшествующихъ Балугьянскому было выдано, сверхъ жалованія, по тысячѣ золотыхъ червонцевъ на каждую. Кромѣ того, на уплату долговъ было отпущено ему въ 1827, 1833 и 1846 гг. свыше 40.000 рублей ассигнаціями.

Балугьянскій былъ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, сена-

---

[1]) Первый сынъ, съ которымъ Балугьянскій пріѣхалъ изъ заграницы, умеръ въ 1807 году. Остальныя дѣти родились уже въ Россіи, причемъ въ 1817 году родился десятый и послѣдній его ребенокъ. Когда его старшему сыну Александру, родившемуся въ 1808 году, пришлось поступать на военную службу, Балугьянскій принялъ русское подданство. У него былъ еще одинъ сынъ — Андрей, а затѣмъ все были дочери, вышедшія замужъ за лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе высокіе посты: Марія — баронесса Медемъ (ученикъ Балугьянскаго, великій князь Михаилъ Павловичъ былъ посаженнымъ отцомъ на ея свадьбѣ), Анна Дараганъ, Александра Капгеръ, Елена Бартоломей, Екатерина Гальпертъ, Елизавета Столпакова и Ольга Комаръ.

[2]) Надо сказать, что Балугьянскій издавна поддерживалъ сношенія съ чешскими національными дѣятелями и велъ съ ними переписку, часть которой сохранилась среди его бумагъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

торъ, имѣлъ рядъ орденовъ и знакъ отличія за безпорочную службу за сорокъ лѣтъ. Въ 1837 году онъ былъ возведенъ съ потомствомъ въ россійское дворянство, причемъ въ гербѣ его самъ императоръ вписалъ цифру «XV», по числу томовъ Свода Законовъ, вышедшихъ изъ 2-го отдѣленія канцеляріи, начальникомъ которой онъ былъ.

Въ 1846 году, т. е. за годъ до своей кончины, Балугьянскій написалъ благодарственное письмо императору Николаю I-му, кончавшееся словами истинно вѣрующаго человѣка: «Иду отъ сего міра ко Отцу міровъ». Формально онъ оставался уніатомъ до послѣднихъ дней своей жизни и только за двѣ недѣли до смерти, предчувствуя скорый вѣчный покой, онъ въ первый разъ пріобщился св. тайнъ въ православной церкви.

Скончался онъ 3 апрѣля 1847 года и похоронен въ Троице-Сергіевской лаврѣ въ Петербургѣ.

Приложенія.

I. Источники и литература объ М. А. Балугьянскомъ.

Въ общемъ источники и литература для изученія М. А. Балугьянскаго немногочисленны, отрывочны и кратки, что́ и находится отчасти въ связи съ его малоизвѣстностью, о которой было сказано нами въ первой главѣ. Сдѣланныя въ настоящемъ очеркѣ указанія на его многочисленные труды и долголѣтнюю академическую и государственную дѣятельность въ Россіи свидѣтельствуютъ, что для этого необходимо обращаться, какъ къ главному и непосредственному источнику, въ архивы нѣкоторыхъ бывшихъ центральныхъ русскихъ государственныхъ учрежденій, какъ-то: 1) архивъ государственнаго совѣта и его отдѣленія, гдѣ собраны бумаги Сперанскаго (между прочимъ, здѣсь подъ № 212 хранится и формулярный списокъ Балугьянскаго); 2) архивъ 2-го отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи; 3) архивы министерствъ государственныхъ имуществъ и финансовъ; 4) сенатскій архивъ; 5) архивы Петербургскаго университета и канцеляріи попечителя Петербургскаго учебнаго округа.

Для изученія перваго, заграничнаго періода жизни и дѣятельности Балудянскаго, о которомъ имѣется въ литературѣ очень мало свѣдѣній, слѣдовало бы направить разысканія въ соотвѣтствующіе венгерскіе и австрійскіе архивы, т. е. въ архивы тѣхъ учрежденій, гдѣ онъ учился, а потомъ и самъ преподавалъ: Паулинскаго коллегіума въ Шаторалья-Уйгели, Кошицкой[1]) и Велико-Варадинской академій и университетовъ Пештскаго и Вѣнскаго.

Печатная же литература о Балугьянскомъ, какъ ужъ было выше сказано, немногочисленна и скудна. Спеціально ему посвя-

[1]) По любезному сообщенію д-ра К. П. Мачика въ Кошицахъ, архивъ б. Кошицкаго юридическаго факультета находится нынѣ въ Братиславскомъ университетѣ, гдѣ его, такимъ образомъ, и слѣдуетъ искать.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

щены, собственно, только двѣ болѣе крупныя и цѣльныя работы, а именно:

П. Барановъ: М. А. Балугьянскій, С.-Пб. 1882 (ср. его-же статью въ «Извѣстіяхъ С.-Пб. Славянскаго Благотв. О-ва», 1885, № 9) и

Воспоминанія дочери М. А. Балугьянскаго, баронессы Маріи Медемъ, въ «Русскомъ Архивѣ», 1885, № 11, съ превосходно исполненнымъ портретомъ М. А. Балугьянскаго, воспроизводимымъ также и при настоящей статьѣ.

Кромѣ того, слѣдуетъ указать еще на слѣдующія, посвященныя Балугьянскому, болѣе мелкія статьи и замѣтки[1]):

Некрологъ его, составленный Алединскимъ, въ «Сѣверной Пчелѣ», 1847, № 99.

«Семейная Библіотека», Львовъ, 1855.

C. von Wurzbach: Biographisches Lexikon des Kaisertums Oesterreich, Wien, 1856, т. I.

В. В. Григорьевъ: Имп. С.-Пб. университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, С.-Пб. 1870, т. I.

Г. Геннади: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, Berlin, 1876, т. I.

Отрывочныя замѣчанія и справки о Балугьянскомъ встрѣчаются еще въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Баронъ М. А. Корфъ: Жизнь графа Сперанскаго, С.-Пб. 1861, т. I—II.

Его-же: Дневникъ — въ «Русской Старинѣ».

С. А. Венгеровъ: Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С.-Пб. 1891, т. II.

Проф. Филипповъ: Императоръ Николай I-ый и Сперанскій — «Юридическій Вѣстникъ», 1897.

М. А. Сухомлиновъ: Матеріалы для исторіи образованія при Александрѣ I-мъ.

Его-же: Изслѣдованія и статьи, т. I.

Середонинъ: Исторія комитета министровъ.

А. Н. Фатѣевъ: Къ исторіи юридической образованности въ Россіи, Прага, 1923 (см. также статейку въ журн. «Юный Другъ», Ужгородъ, 1929, № 3).

В. Д. Поповичъ: Культурная дѣятельность угроруссовъ въ Россіи на рубежѣ 18—19 вв. — «Молодая Русь», Прага, 1930—1931 гг.

---

[1]) Важнѣйшая литература о М. А. Балугьянскомъ сведена въ указанныхъ выше трудахъ П. Баранова, а въ послѣднее время въ статьѣ Ю. А. Яворскаго: Значеніе и мѣсто Закарпатья въ общей схемѣ русской письменности, Прага, 1930, стр. 15.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

II. Два плана преподаванія юридическихъ наукъ, составленные М. А. Балугьянскимъ.

(Архивъ Государственнаго Совѣта, изъ бумагъ Сперанскаго, по описи № 118).

1. *Планъ преподаванія пропедевтики и исторіи россійскаго законовѣдѣнія.*

Пропедевтика законовъ состоитъ изъ двухъ частей: первая часть заключаетъ въ себѣ общія понятія о законовѣдѣніи и наукахъ, въ составъ онаго входящихъ; вторая излагаетъ порядокъ обученія законовѣдѣнію или методологію.

Часть первая.

О законовѣдѣніи вообще и частяхъ онаго.

I. Общія понятія о правѣ и о разныхъ родахъ законовъ.

1) Право въ смыслѣ закона (objective).

2) Право въ значеніи нравственной возможности поступать по закону (subjective).

3) Право, какъ собраніе законовъ, напримѣръ, право римское, русское и пр.

Первое значеніе есть основаніе прочимъ. Сколько родовъ законовъ, столько родовъ правъ.

Роды законовъ:

1) Государственное право публичное.
2) Законы гражданскіе — право гражданское (ius civile).
3) Законы феодальные.
4) Законы церковные.
5) Законы уголовные.
6) Законы финансовые.
7) Законы полицейскіе.
8) Трактаты — право народное.

II. О законахъ государственныхъ — право публичное.

Ссылка на особенное преподаваніе сего предмета.

III. Законы гражданскіе — право гражданское (ius civile).

A. Понятіе о гражданскомъ правѣ:

1) Опредѣленіе права гражданскаго по понятію римскихъ законовѣдцовъ.

2) Опредѣленіе гражданскаго права на основаніи россійскихъ узаконеній.

B. Предметы гражданскаго права:

1) О лицахъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

2) Объ имуществахъ.
3) Объ обязательствахъ.
4) Объ актахъ.

C. Начала гражданскаго судопроизводства:

1) О взысканіяхъ.
2) О судоустройствѣ.
3) О производствѣ суда.

Примѣчаніе. Въ теоріи права гражданскаго будетъ также изложена теорія права коммерческаго, горнаго, лѣснаго, яко частей общаго гражданскаго права.

IV. Право феодальное.

1) Происхожденіе леннаго права.
2) Отношенія между господиномъ леннаго имущества и владѣльцемъ онаго (inter dominum directum et indirectum).
3) О ленахъ публичныхъ и частныхъ.
4) Слѣды леннаго права въ Россіи до нашествія татаръ и во время владычества ихъ.

V. Законовѣдѣніе церковное по постановленіямъ греко-россійской церкви.

1) Устройство гіерархіи въ церкви греко-россійской въ разныхъ періодахъ времени.
2) Лица духовнаго вѣдомства:
   a) духовенство монашествующее;
   b) духовенство бѣлое.
3) Раздѣленіе имуществъ и вещей на основаніи церковныхъ узаконеній.
4) Обязанности лицъ мирскихъ греко-россійскаго исповѣданія касательно наблюденія должностей вѣры и церковныхъ установленій.

V. Законовѣдѣніе уголовное.

1) Общія начала уголовнаго права.
2) Раздѣленіе противузаконныхъ дѣйствій на злодѣянія, преступленія и проступки.

Подраздѣленіе ихъ на публичныя и частныя.

3) Роды наказаній:
   a) лишающихъ чести и жизни;
   b) лишающихъ правъ гражданскихъ и имуществъ;
   c) лишающихъ свободы: заключеніе въ тюрьму, заточеніе и проч.;
   d) тѣлесныя наказанія.
4) Начала уголовнаго судопроизводства.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

VII. Законовѣдѣніе государственной казны (ius fisci).

A. Государственные доходы:

1) доходы съ государственныхъ имуществъ;
2) горные и соляные;
3) подати и пошлины таможенные.

B. Государственные расходы по различію министерствъ.

C. Государственныя кредитныя установленія.

D. Казначейство и счетоводство.

Примѣчаніе. Образъ управленія государственныхъ финансовъ изложенъ въ государственномъ законовѣдѣніи. Взаимныя же отношенія казны съ частными людьми и дѣла спорныя изъясняются въ гражданскомъ законовѣдѣніи.

VIII. Законовѣдѣніе полицейское.

A. Полиція благочинія: нравственности, здоровья народонаселенія и пр.

B. Полиція хозяйственная:

a) земледѣлія, промышленности и торговли;
b) строительная;
c) дорожная;
d) судоходства;
e) продовольствія.

C. Полиція повинностей:

1) земскихъ повинностей;
2) казенныхъ повинностей.

D. Судная полиція:

1) гражданская;
2) уголовная.

IX. Право народное.

1) Во время мира;
2) во время войны.

Часть вторая.

Методологія законовѣдѣнія.

1) Порядокъ изученія пріуготовительныхъ наукъ для курса законовѣдѣнія.

2) Порядокъ изученія главныхъ наукъ законовѣдѣнія.

3) Порядокъ изученія вспомогательныхъ наукъ для курса законовѣдѣнія.

Примѣчаніе. При всѣхъ изложенныхъ здѣсь отрасляхъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

правовѣдѣнія показаны будутъ главнѣйшіе источники и классическія сочиненія по каждой части.

Часть третія.

Исторія россійскаго законовѣдѣнія.

I. Отъ св. Владиміра до нашествія татаръ.
II. Отъ нашествія татаръ до изданія Судебника.
III. Отъ изданія Судебника до Уложенія царя Алексѣя Михайловича.
IV. Отъ Уложенія до настоящаго времени.

При семъ будутъ показаны собранія законовъ, сочиненія и источники по русскому законодательству.

Михаилъ Балугьянскій.

Марта 14 дня 1828.

---

2. Планъ преподаванія законовъ государственныхъ.

Книга I. О верховной власти и состояніи подданныхъ.

I. О верховной власти и о наслѣдствѣ престола.
II. О состояніи подданныхъ и раздѣленіи ихъ на сословія.
1) Дворянство.
2) Духовенство.
3) Городскіе обыватели: купечество, цеховые, мѣщане.
4) Сельскіе обыватели: однодворцы, казенные крестьяне, половники, колонисты, вольные хлѣбопашцы и проч.
5) Помѣщичьи крестьяне.

Книга II. О высшихъ правительственныхъ мѣстахъ.

I. О государственномъ совѣтѣ — дѣла законодательныя.
II. О комитетѣ министровъ — дѣла исполнительныя.
III. О правительствующемъ сенатѣ — дѣла судныя и исполнительныя или блюстительныя.
IV. О святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ.
V. О министерствахъ и главныхъ управленіяхъ.

Книга III. Губернскія начальства и присутственныя мѣста.

Раздѣленіе ихъ на полицейское, судное и финансовое.

I. Полицейское управленіе. Губернское правленіе; сюда принадлежатъ: приказъ общественнаго призрѣнія, медицинская управа и проч.
II. Судное управленіе: палаты уголовнаго и гражданскаго суда; совѣстный судъ; коммерческій судъ.
III. Казенное управленіе: казенная палата.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Книга IV. Подчиненныя губернскимъ начальствамъ мѣста.

I. Губернскому правленію въ полицейскомъ отношеніи:

A. Городскія управленія:
столичныя думы;
губернскія думы;
уѣздныхъ городовъ рутши, городничіе.

B. Въ уѣздахъ:
земскій судъ;
волостное управленіе;
сельское управленіе.

C. Управленія сословій:
дворянскія собранія;
собранія городскія;
собранія мірскія.

II. Подчиненныя мѣста суднымъ палатамъ:

A. Общія первой инстанціи:
надворные суды въ столицахъ;
уѣздные суды;
магистраты;
опека;
сиротскій судъ.

B. Особенные суды:
горный и проч.

C. Полицейскіе суды:
управы благочинія въ города хъ;
волостные и проч.

D. Учрежденія для совершенія актовъ.

III. Подчиненныя мѣста казенной палатѣ:
уѣздное казначейство;
разныя управленія по сбору доходовъ съ государственныхъ имуществъ, съ продажи соли и проч.;
въ городахъ: дума, гильдіи и проч.

Книга V. Особенное устройство Сибири, Кавказской области, Грузіи и проч.

По тому же плану, слѣдуя учрежденіямъ объ оныхъ.

Книга VI. Особенное устройство губерній, на особенныхъ правахъ состоящихъ:
Западныхъ;
Остзейскихъ.

Книга VII. О образѣ производства дѣлъ.

I. О коллегіальномъ или совѣщательномъ дѣлопроизводствѣ.
II. Образъ исполнительнаго дѣлопроизводства.
III. О образѣ смѣшаннаго дѣлопроизводства.

Михайло Балугьянскій.

14 Марта 1828.